

А. А. БЕССУДНОВ

Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: bessudnov_a22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3785-6342

ЗАМЯТНИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

АННОТАЦИЯ

В работе обсуждается проблема содержания замятнинской археологической культуры поздней поры верхнего палеолита, выделенной на материалах стоянок Костенки 2, 3, 11 (Ia) и 19 в 1960–1970-е гг. Бедность каменного инвентаря и отсутствие ярких специфических типов орудий способствуют неоднозначной оценке этой индустрии, которую разные исследователи называют эписиграветтом или вариантом эписиграветта, специфической локальной культурой или отдельными стоянками с некоторыми общими чертами. На основе анализа имеющихся материалов автор приходит к выводу, что наиболее характерной чертой в инвентаре стоянок замятнинской культуры является практически полное отсутствие притупляющей ретуши и изделий с притупленным краем, которые являются главным маркером восточного эписиграветта. Напротив, технология производства основной

части заготовок с многофасеточных резцов, плиток кремня и иногда скребков высокой формы, а также морфология заготовок имеют много общего с эписиграветтскими памятниками юга Восточной Европы. Основываясь на данных радиоуглеродного датирования, существование замятнинской индустрии определяется интервалом 21,5–19 (18) тыс. л. н.***, что указывает на ее значительно более древний возраст по сравнению с памятниками с «типичным» эписиграветтским набором каменного инвентаря. Несмотря на большое количество проблем, обусловленных в первую очередь состоянием источниковедческой базы, рассмотренные стоянки выделяются на фоне других культурных образований Русской равнины как по хронологии, так и по специфическому облику коллекций, что позволяет считать замятнинскую археологическую культуру реальной культурно-хронологической единицей.

Ключевые слова: поздняя пора верхнего палеолита, замятнинская культура, эписиграветт, Костенки, хронология, каменный инвентарь, изделия с притупленным краем.

* Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0012 и при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 18-39-20009, 17-06-00319 и 18-00-00837.

** Здесь и далее даты некалиброванные.

A. A. BESSUDNOV

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya Naberezhnaya, 18, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: bessudnov_a22@mail.ru
ORCID 0000-0002-3785-6342

ZAMYATNIN ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE LATE UPPER PALAEOLITHIC: A MYTH OR REALITY?*

ABSTRACT

The paper discusses the problems concerning cultural context of the Late Upper Paleolithic Zamyatnin archaeological culture that was distinguished on the materials from the sites of Kostenki 2, 3, 11 (layer Ia) and 19 in the 1960–70s. Poverty of the lithic assemblages and absence of specific tool types contribute to controversial assessment of this industry which various researchers associate with the Epigravettian specific local culture or with independent sites which share some common features.

Based on the analysis of published materials, the author comes to the conclusion that the most characteristic feature of lithics from the Zamyatnin culture sites is almost complete absence of abrupt retouch and backed implements, which are among the main markers of the Eastern Epigravettian. On the

contrary, the primary technology of bladelets production from multi-faceted burins, tabular flints and sometimes carinated endscrapers, as well as the morphology of the blanks have much in common with the Epi-Aurignacian sites of southern Eastern Europe. Based on radiocarbon dating data, the existence of the Zamyatnin industry is determined by an interval between 21.5 and 19 (18) kyr BP, that is much older comparing to the sites with “typical” Epigravettian tool-kits. Despite of large number of problems caused primarily by the state of the database, the sites discussed in the paper stand out from other cultural formations of the Russian Plain, both in chronology and in the specific look of the collections, which makes Zamyatnin archaeological culture a real cultural and chronological unit.

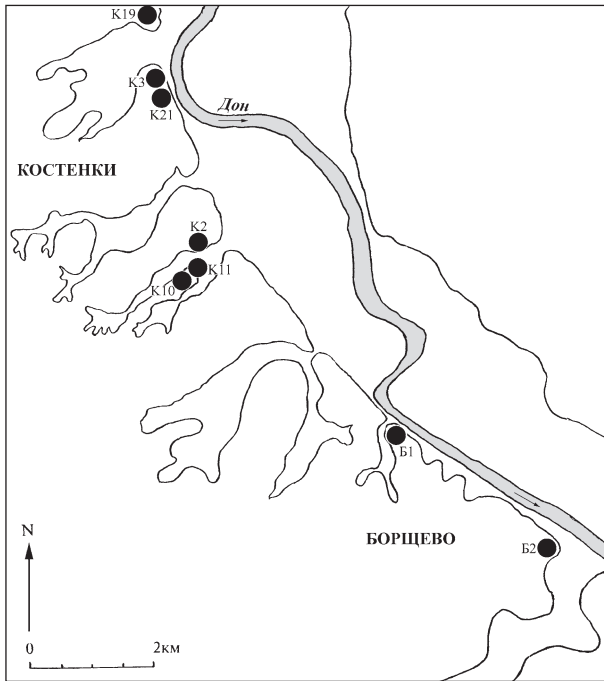
Key words: Late Upper Palaeolithic, Zamyatnin culture, Epigravettian, Kostenki, chronology, lithic assemblage, backed implements.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые термин «замятнинская культура» появляется в литературе в начале 1970-х гг. [Григорьев 1970: 49], хотя мнения о близком хронологическом и культурном сходстве некоторых относимых к ней стоянок высказывались и ранее [Ефименко 1953: 485; Борисковский 1953: 398, 406–407; Рогачев 1957: 97, 126; Рогачев 1961: 61, 87, 96]. Изначально основанием для выделения данной культуры послужили материалы стоянок Костенки 2, 3, 19, 11 (Ia) (рис. 1): имен-

но в это время итоги работ на первых трех памятниках были монографически опубликованы П.И. Борисковским [Борисковский 1963], а также появились первые результаты исследований культурного слоя Ia Костенок 11 [Рогачев 1961; Рогачев 1962]. По мере накопления материала в контексте этой проблематики стали рассматриваться Костенки 10 и два верхних слоя Костенок 21 [Борисковский 1971; Палеолит... 1982: 200–201; Рогачев, Аникович 1984: 216]. Наряду со спицынской и городцовой культурами, замятнинская культура стала локальным обра-

* Funding: The reported study was partially supported by RFBR, research project No. 18-39-20009, 17-06-00319 end 18-00-00837.

Рис. 1. Стоянки Костенковско-Борщевского района на плане участка правого берега р. Дон, упоминающиеся в работе: К 2, 3, 10, 11, 19, 21 — стоянки замятнинской культуры; Б 1, 2 — эпиграветтийские стоянки.

Fig. 1. Kostenki-Borshchevo sites on the plan of Don right bank area mentioned in the paper. К 2, 3, 10, 11, 19, 21 — sites of Zamyatnin culture; Б 1, 2 — Epigravettian sites.

зованием, не имеющим аналогий за пределами Костенковско-Борщевского района.

Наиболее развернутая характеристика замятнинской культуры дана в работе А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича [Рогачев, Аникович 1984: 213–216], а также позднее в коллективной монографии М.В. Аниковича с соавторами [Аникович и др. 2008: 207–229]. Критериями для выделения культуры послужили:

- принадлежность всех памятников поздней хронологической группе;
- наличие костно-земляных жилищ аносовско-мезинского типа в Костенках 2 и 11 (Ia);
- необычная для позднего верхнего палеолита Костенок сырьевая ориентация обитателей большинства стоянок на цветной валунный

и плитчатый кремь относительно низкого качества;

- сходство каменного инвентаря, выраженное в технике первичного раскалывания, ограниченном наборе технико-морфологических групп и типологическом наборе орудий (рис. 2), которое особенно отчетливо проявлялось при противопоставлении иным геологически одновременным культурным традициям Костенок в рамках поздней хронологической группы.

Вместе с тем существенные различия, прежде всего в коллекциях каменного инвентаря между отдельными стоянками и даже в пределах одной стоянки, объяснялись авторами «фациальностью» или различным хозяйственно-бытовым назначением исследованных комплексов [Рогачев, Аникович 1984: 216].

Проблематика поздней поры верхнего палеолита в Костенках в целом и стоянок замятнинской культуры в частности не была в центре внимания исследователей с 1980-х гг., что объясняется смещением акцентов на изучение стоянок ранней и средней поры верхнего палеолита. В последнее время наблюдается новая волна интереса к вопросу ее содержания, которая в первую очередь связана с исследованием третьего комплекса культурного слоя Ia Костенок 11 и с первыми публикациями этих материалов ([Ахметгалева и др. 2017; Ахметгалева, Дудин 2017; Федюнин 2017; Федюнин 2018; Дудин 2018; Дудин, Толстых 2018; Родионов, Дудин 2018] и др.), а также поисками аналогий для ряда позднепалеолитических памятников, обнаруженных в последнее десятилетие в костенковской округе ([Федюнин 2010; Бессуднов 2011; Бессуднов 2013] и др.). В этой связи возвращение к старым коллекциям и поставленным вопросам с привлечением новых материалов и использованием иных методических подходов выглядит весьма перспективным.

Своеобразие стоянок замятнинской культуры, которое отражается в различном наборе каменного и костяного инвентаря, типах хозяйственно-бытовых объектов, разных сезонах обитания, типах памятников и т. д., наряду с отсутствием аналогий за пределами Костенок способствовали

Рис. 2. Характерный набор каменного инвентаря стоянок замятнинской культуры (по: [Рогачев, Аникович 1984: 259, рис. 95]). 1–19 — Костенки 2; 20–30 — Костенки 3; 31–43 — Костенки 19.

Fig. 2. Distinctive lithic assemblage of Zamyatnin culture' sites (after: [Rogachev, Anikovitch 1984: 259, fig. 95]). 1–19 — Kostenki 2; 20–30 — Kostenki 3; 31–43 — Kostenki 19.

Таблица 1. Основные характеристики стоянок, относимых к замятинской археологической культуре
Table 1. Main features of sites associated with Zamyatnin archaeological culture

Памятник, комплекс	Исследователи (годы)	Вскрытая площадь, м ²	Характер культурного слоя	Интерпретация памятника	Кол-во каменного инвентаря, ед.	Кол-во орудий, %	Соотношение видов сырья: ЧМК/ЦК, %	Источник данных
Костенки 2, комплекс 1	П.П. Ефименко, С.Н. Замятин (1923, 1927); П.И. Борисовский (1953)	~147	Жилище ановоско-мезинского типа без краевых ям, очаг, погребение	Долговременное зимнее поселение	~3800	~16,5	63/32	Борисовский 1963; Палеолит... 1982
Костенки 2, комплекс 2	П.И. Борисовский (1953, 1956)	78	Скопление костей мамонта, зольные пятна	Естественное (?) скопление костей	400	4,5	25/73	Борисовский 1963; Палеолит... 1982
Костенки 2, комплекс 3	П.И. Борисовский (1956)	24	Скопление костей и расщепленного камня, кострище	«Производственный» комплекс	1100	4	80/17	Борисовский 1963; Палеолит... 1982
Костенки 3	П.П. Ефименко, С.Н. Замятин (1923, 1927); А.Н. Рогачев (1953, 1959)	107	Окрашенный культурный слой с кострищами	Кратковременное (сезонное?) поселение	~2230	8,5	67/31	Борисовский 1963; Палеолит... 1982; Рогачев, Аникивич 1984
Костенки 19, комплекс 1	П.И. Борисовский (1956, 1957)	~4	Зольно-углистое скопление с очагом в центре	Легкое наземное жилище (?) с очагом	29		17/83	Борисовский 1963
Костенки 19, комплекс 2	П.И. Борисовский (1956, 1957)	~17,5 ³	Зольно-углистое скопление с очагом	Легкое наземное жилище с очагом	~1000	0,6 ²	65/35	Борисовский 1963; Палеолит... 1982
Костенки 19, комплекс 3 ⁴	П.И. Борисовский (1956, 1957)	~1	Зольно-углистое скопление	?	9		45/55	Борисовский 1963
Костенки 19, комплекс 4	П.И. Борисовский (1956, 1957)	~16	Мощное скопление цветного кремня	Мастерская	~17 000		1/99	Борисовский 1963
Костенки 11 (Ia), комплекс 1	А.Н. Рогачев (1956, 1960–1966)	~150	Жилище ановоско-мезинского типа	Долговременное поселение (зимник?)	12 245	6,5 ⁵	55/41	Палеолит... 1982; Попов 2003–2004

Памятник, комплекс	Исследователи (годы)	Вскрытая площадь, м ²	Характер культурного слоя	Интерпретация памятника	Кол-во каменного инвентаря, ед.	Кол-во орудий, %	Соотношение видов сырья: ЧМК/ЦК ¹ , %	Источник данных
Костенки 11 (Ia), комплекс 2	А.Н. Рогачев (1970, 1979)	60	Жилище ановоско-мезинского типа	Долговременное поселение (зимник?)	1231	7,8	48/43	Палеолит... 1982; Попов 2003–2004
Костенки 11 (Ia), комплекс 3 ⁶	А.Е. Дудин, И.В. Федюнин (2013–2018)	>350	Жилище ановоско-мезинского типа	Долговременное поселение (зимник?)	1929 ⁷	11	70/16	Федюнин 2017
Костенки 11 (Ia), комплекс ЮВ	А.Н. Рогачев (1960–1970-е)	8	Мощный культурный слой без костей мамонта	?	538	7	?	Палеолит... 1982; Попов 1989
Костенки 11 (Ib)	А.Н. Рогачев (1956, 1960, 1968)	35	Единичные находки в шурфах	?	747 ⁸	6,8 ⁹	80/15	Попов 1989; Попов, Пустовалов 2004
Костенки 10	А.Н. Рогачев (1934, 1951); П.И. Борисовский (1953)	~116	4 изолированных скопления костей и кремней	Кратковременный (?) «охотничий лагерь»	>350	16	77/23	Палеолит... 1982; Борисовский 1971
Костенки 21 (I)	Н.Д. Праслов (1970–1980-е)	22	Единичные находки	Периферия стоянки Костенки 3 (?)	~50	?	преобладание/присутствие	Палеолит... 1982
Костенки 21 (II)	Н.Д. Праслов (1970–1980-е)	~170	Единичные переотложенные находки	?	50	0 ¹⁰	14/42	Палеолит... 1982

¹ ЧМК — черный меловой кремль, ЦК — цветной кремль.

² Суммарно для всех комплексов Костенок 19.

³ Указана предполагаемая площадь жилища [Палеолит... 1982: 193].

⁴ Комплекс, выделенный П.И. Борисовским [Борисовский 1963: 151], из-за малых размеров, отсутствия характерных черт и небольшого числа находок в дальнейших работах не упоминается. Под комплексом 3 (в: [Палеолит... 1982: 194–195; Аникович и др. 2008: 226–228] и др.) подразумевается мастерская (комплекс 4 по П.И. Борисовскому).

⁵ Данные по комплексам 1 и 2 у В.В. Попова разнятся (ср.: [Попов 1989; Попов 2003–2004]). Здесь пластины с ретушью отнесены к категории орудий (по: [Попов 2003–2004]).

⁶ Изначально подразумевался участок культурного слоя, обнаруженный в двух шурфах в юго-восточной части мыса [Палеолит... 1982: 120–124; Попов 1989: 10–12; Аникович и др. 2008: 215–216]. Здесь — третье костно-земляное жилище (что уже устоялось в литературе [Федюнин 2017; Федюнин 2018; Дудин 2018] и др.), а культурные остатки в шурфах условно обозначены как «комплекс ЮВ».

⁷ Коллекция 2014–2015 гг. [Федюнин 2017: 24].

⁸ Данные разнятся (ср.: [Палеолит... 1982: 119; Попов 1989: 11]).

⁹ У В.В. Попова — 23,5% [Попов 1989: 11], что объясняется включением в подсчеты отщепов с ретушью.

¹⁰ Без учета предметов с нерегулярной ретушью, отбойника и нуклеидного «рубящего» орудия [Палеолит... 1982: 201].

постановке вопроса о правомерности существования этой культуры с момента ее выделения. Не следует забывать, что само появление термина произошло в период расцвета концепции локального культурного разнообразия, когда археологические культуры выделялись повсеместно и не всегда достаточно обоснованно (см.: [Васильев 2008: 98–99]). В последнее время вопрос о целостности замятинской культуры и вариативности коллекций относимых к ней памятников поднимается все чаще [Бессуднов 2013: 133; Родионов 2013а: 220; Федюнин 2015: 370–372; Родионов 2016: 66; Бессуднов 2016а: 629–630; Федюнин 2018: 318–324, 333]. Попытаемся рассмотреть эту проблему подробнее.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ БАЗЫ

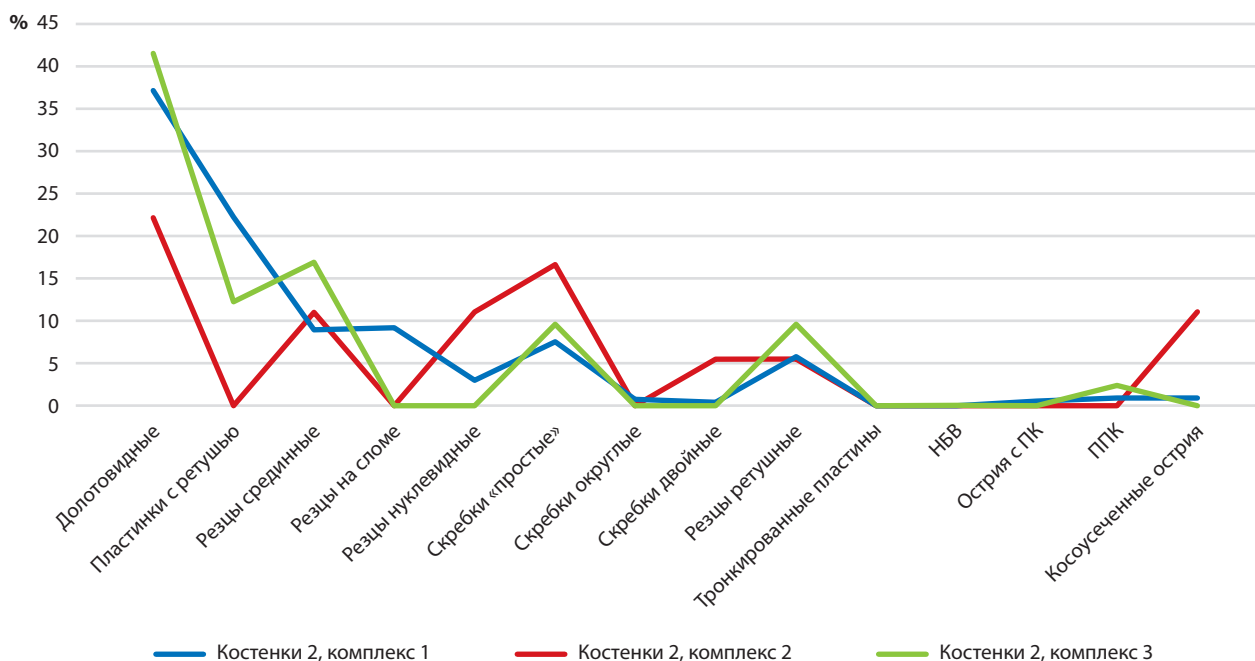
Материалы стоянок замятинской культуры детально опубликованы ([Борисковский 1963; Борисковский 1971; Палеолит... 1982; Рогачев, Аникович 1984; Аникович и др. 2008; Федюнин 2017; Федюнин 2018; Дудин 2018] и др.), анализу индустрий отдельных памятников были посвящены диссертационные работы [Попов 1989; Родионов 2016], поэтому при характеристике источниковедческой базы исследования будут отмечены лишь общие сведения и некоторые ключевые, на наш взгляд, моменты.

Всего с проблематикой замятинской культуры в той или иной степени связаны 6 памятников Костенковско-Борщевского района (табл. 1). Все они расположены в Костенках (рис. 1). Лишь один памятник — Костенки 11 — многослойный, не считая Костенок 21, два верхних слоя которого если и соотносятся с расположенными рядом Костенками 3 и 19, то являются их периферийными частями и содержат единичные маловыразительные находки. В связи с тем, что многие стоянки состоят из отдельных структурных участков и / или были исследованы несколькими раскопами, корреляция которых не всегда очевидна, описание в таблице (табл. 1) приводится по каждому комплексу отдельно.

Костенки 2 (стоянка Замятина)

Эпонимный памятник замятинской культуры исследовался в 1923 и 1927 гг. экспедицией П.П. Ефименко и С.Н. Замятина, а также в середине 1950-х гг. П.И. Борисовским. В ходе работ П.И. Борисовского было открыто три отстоящих друг от друга на 20–70 м комплекса, различающихся по своей структуре и набору находок [Палеолит... 1982: 67]. Комплекс 1 представлял собой скопление костей мамонта подовальной формы с очагом в центре, сильно поврежденное современными перекопами. Большинство исследователей интерпретирует скопление в качестве жилища аносовско-мезинского типа, которое обладает одним существенным отличием — отсутствием краевых ям-хранилищ [Рогачев, Аникович 1984: 192; Сергин 2016: 11–12]. К жилищу примыкала камера из костей мамонта со знаменитым «сидячим» погребением, а в 5–6 м от него располагался выраженный очаг, раскопанный С.Н. Замятиным. Во втором комплексе расчищено скопление костей преимущественно мамонта, которое тянулось вдоль склона полосой длиной 14 м и шириной около 1,5 м. Кремневых находок найдено относительно немного, а кости были явно сортированы. Хотя автор раскопок считал, что кости были сложены людьми преднамеренно [Борисковский 1963: 66], не исключена интерпретация второго комплекса Костенок 2 как естественного скопления костей в вытнутой по склону западине, которое могли посещать и / или использовать люди [Чубур 1998: 322]. Третий комплекс представлял собой зольное скопление, насыщенное расколотыми костями, костным углем, охрой и каменным инвентарем. П.И. Борисовский отмечал отличие данного скопления от первых двух, подчеркивая его производственную направленность [Борисковский 1963: 76].

Хотя на всех исследованных участках стратиграфия описывается как «в принципе одинаковая» [Палеолит... 1982: 67], а находки связаны с отложениями светло-палевого суглинка, стоит обратить внимание на то, что положение культурного слоя в толще этого суглинка на всех

Рис. 3. Соотношение основных категорий орудий в различных комплексах стоянки Костенки 2 (по данным П.И. Борисковского [Борисковский 1963])

Fig. 3. The ratio of main categories of tools in different complexes at Kostenki 2 (based on data published by P.I. Boriskovskii [Boriskovskii 1963])

участках различно: культурные остатки первого комплекса залегают в его основании; второго — в средней части; третьего — непосредственно под черноземом. Различный уровень залегания находок может объясняться, с одной стороны, расположением раскопанных участков на разных высотах склона, а с другой — разновременностью функционирования описанных комплексов. Несмотря на значительные различия между исследованными участками (в том числе в соотношении категорий каменного инвентаря — рис. 3) и их неодинаковое стратиграфическое положение, у П.И. Борисковского не было сомнений относительно принадлежности всех трех комплексов единому обширному поселению [Борисковский 1963: 78–79]. Признавая единый геологический возраст трех исследованных участков, тем не менее следует допускать, что они могли быть сформированы в разное время. Окончательному

решению вопроса о их синхронности может способствовать только изучение соединяющего их стратиграфического разреза.

Костенки 3 (Глинище) и Костенки 21 (Гмелинская стоянка), культурный слой I

Сведения о характере культурного слоя Костенок 3 и его структуре весьма скудные, поскольку основные работы на стоянке проводились в 1920-е гг. и были недостаточно задокументированы, а в заложенных в 1950-е гг. шурфах обнаружены лишь единичные находки [Палеолит... 1982: 72–75]. Основываясь на архивной документации С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко, П.И. Борисковский отмечает, что в ходе работ был обнаружен размытый очаг, вокруг которого концентрировалась основная часть находок [Борисковский 1963: 159]. Резкие границы куль-

турного слоя позволили П.П. Ефименко предположить существование здесь легкого наземного жилища [Ефименко 1953: 534]. Судя по всему, часть кремневого инвентаря из коллекции Костенок 3 происходит из чернозема, поскольку, по сведениям П.П. Ефименко, палеолитические находки встречались уже с первых штыков из-за деятельности кротов, несмотря на относительно глубокое залегание культурного слоя — на 1,8–1,9 м от современной поверхности [Борисковский 1963: 159]. В настоящее время территория памятника уничтожена боковой эрозией Дона.

По результатам работ конца 1970-х гг. на Костенках 21 было сделано заключение о том, что верхний культурный слой этой стоянки и Костенки 3 представляют собой остатки единого поселения [Палеолит... 1982: 200]. Основанием тому послужило единое стратиграфическое положение культурных слоев, сходство сырьевой базы и отмеченный Н.Д. Прасловым и М.А. Ивановой специфический «ориньякоидный» облик каменного инвентаря, хотя общее количество обнаруженных в слое предметов составило около 50 экземпляров.

*Костенки 19 (стоянка Валукинского)
и Костенки 21 (Гмелинская стоянка),
культурный слой II*

Палеолитическая стоянка Костенки 19 была обнаружена П.И. Борисовским и исследовалась им в течение двух полевых сезонов в 1956–1957 гг. Основным раскопом общей площадью около 220 м² был вскрыт культурный слой, характер которого и неравномерное распределение находок позволили автору работ выделить 4 комплекса (табл. 1). Три — это зольно-углистые скопления, два из которых имели углубленные очаги в центре и четкие границы, что позволило интерпретировать их в качестве остатков легких наземных жилищ [Борисковский 1963: 148–151; Палеолит... 1982: 193]. Четвертый комплекс представлял собой мощное скопление, состоящее преимущественно из отбросов местного цветного валунного и плитчатого кремня (рис. 4). Большое количе-

ство нуклеидных предметов, осколков, плиток и желваков с единичными сколами, мелких чешуек и отщепов, в том числе покрытых коркой, свидетельствовали в пользу того, что данный участок являлся мастерской по расщеплению кремня [Борисковский 1963: 152–153; Палеолит... 1982: 194–196; Матюхин 1996: 28]. Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день четвертый комплекс Костенок 19 — единственная мастерская, обнаруженная на территории Костенок. Резкое отличие четвертого и второго комплексов по структуре и составу находок закономерно способствовало постановке вопроса о синхронности функционирования различных объектов. Первоначально автором работ наличие разновременных культурных слоев отвергалось, хотя и высказывалось предположение о том, что мастерская существовала несколько позже и «как бы наслоилась на более древнюю часть поселения» [Борисковский 1963: 154]. Позднее, в совместной работе П.И. Бо-

Рис. 4. Образцы цветного валунного и плитчатого кремня из мастерской (комплекс 4) стоянки Костенки 19. Музей-заповедник «Костенки», Воронеж. Фото автора, 2013

Fig. 4. Examples of local colored boulder and slab chert from the workshop (complex 4) of Kostenki 19. Museum-Reserve «Kostenki», Voronezh. Author's photo, 2013

рисковского и Н.Д. Праслова, на основании прежде всего соотношения видов сырья, а также некоторых различий в приемах изготовления орудий делается вывод о одновременности этих комплексов [Палеолит... 1982: 195–196].

Хотя на основании гипсометрических отметок и общих стратиграфических условий залегания культурный слой Костенок 19 может соотноситься с расположенными рядом Костенками 21 (II) [Палеолит... 1982: 200–201], невыразительный каменный инвентарь последнего оставляет этот вопрос открытым [Аникович и др. 2008: 229].

Костенки 10 (Аносовка 1)

Стоянка открыта в 1934 г., основные раскопные работы были проведены в первой половине 1950-х гг. Материалы исследований опубликованы П.И. Борисковским [Борисковский 1971]. Несколькими раскопами и шурфами были вскрыты 4 отстоящих друг от друга на расстоянии от 0,7 до 8 м скопления культурных остатков, ориентированные примерно по одной линии. Они залегали в различных по размерам западинах и были представлены целыми костями и их фрагментами в сопровождении небольшого числа кремневых изделий. Между западинами находки отсутствовали или были единичны. Вопрос об одновременности всех 4 скоплений П.И. Борисковским решался однозначно: по его мнению, они были остатками одного охотничьего стойбища, в пользу чего свидетельствовали единое стратиграфическое положение находок, сходные наборы каменного инвентаря и фаунистических остатков [Борисковский 1971: 197–198].

Хотя характер залегания и состав находок в целом позволяют сделать заключение о том, что Костенки 10 представляют собой снесенный с верхних участков и отложившийся в западинах культурный слой с расположенной выше по склону стоянки [Палеолит... 1982: 114], П.И. Борисковским отмечалось, что по крайней мере некоторые скопления (в частности, скопление 2) залегали в непотревоженном состоянии [Борисковский 1971: 188].

Выраженная серия долотовидных изделий и аморфность резцов, по мнению автора работ, сближают Костенки 10 с Замятинской стоянкой, однако в последней, в отличие от Костенок 10, в незначительном числе присутствуют пластинки с «загупленным краем» [Борисковский 1971: 199].

Костенки 11 (Аносовка 2), культурные слои Ia и Ib

Культурный слой Ia стоянки Костенки 11 исследован на площади чуть менее 1000 м². Раскопами разных лет были вскрыты три округлые конструкции из костей мамонта размерами в поперечнике от 9 до 12 м [Дудин 2018: 46, 53], по периметру окруженные краевыми ямами-хранилищами. Все три комплекса расположены примерно в одной линии на расстоянии 17 м друг от друга. По-видимому, в центре каждого скопления имеется очаг, внутри конструкции зафиксирована высокая концентрация находок, за пределами они единичны (за исключением краевых ям). Именно материалы раскопок Костенок 11 позволили выделить специфический аносовско-мезинский тип жилищ в верхнем палеолите [Рогачев 1962], хотя существует точка зрения о культовом назначении этих конструкций [Гаврилов 2015]. Малоразведанным остается участок в юго-восточной части мыса, где двумя шурфами был вскрыт выразительный культурный слой без скопления костей мамонта, каменный инвентарь которого идентичен слою Ia [Палеолит... 1982: 124]. Хотя вопрос о синхронности бытования однотипных жилых конструкций давно дискутируется в литературе (см.: [Сергин 1974; Аникович и др. 2008: 214–215]), большинство авторов все же считают, что они, несомненно, были оставлены одним и тем же или близкородственным коллективом. Таким образом, относительно принадлежности всех трех жилых комплексов культурного слоя Ia единой культуре сомнений не возникает.

Хотя считалось, что культурный слой Ib Костенок 11 представляет собой «культурные остатки, отличные от таковых слоя Ia» [Палеолит...

1982: 119], ни в одном из разрезов оба горизонта выявлены не были. В ходе исследований третьего комплекса культурного слоя Ia его наличие также не подтвердилось [Федюнин 2017: 21; Федюнин 2018: 310]. То есть существуют все основания считать культурные слои Ia и Ib остатками единого поселения, однако во избежание путаницы мы предпочитаем использовать для комплексов с костно-земляными конструкциями традиционное обозначение «Ia». Коллекция, ранее отнесенная к слою Ib, малоинформативна из-за того, что основная часть материалов найдена в шурфах, при этом она, несомненно, содержит примесь материалов из нижележащего второго культурного слоя [Попов 1989].

Общие замечания

Как следует из краткого обзора в той или иной степени связанных с проблематикой замятинской культуры стоянок, все они имеют различную степень информативности и надежности.

За исключением третьего комплекса Костенок 11 (Ia), все памятники раскапывались в середине XX в., а некоторые участки — в начале XX в. в соответствии с методическими установками своего времени. Не подвергая критике методику проведения работ, стоит отметить, что далеко не все находки имеют планиграфическую привязку, высотные отметки и информацию о принадлежности тому или иному объекту, что зачастую затрудняет их интерпретацию. Это особенно важно в случае неглубокого залегания культурного слоя, что применимо ко всем стоянкам замятинской культуры, а также для многослойных памятников с относительно тонкими стерильными прослойками, разделяющими культурные горизонты, к коим относятся Костенки 11. Залегаящие близко к современной поверхности культурные слои подвержены целому ряду постдепозиционных нарушений, среди которых наибольший урон приносит вертикальный и горизонтальный перенос находок норными животными. Эти факты следует принимать во внимание при работе с коллекциями,

при оценке степени их гомогенности и интерпретации отдельных спорных предметов.

Также не стоит забывать, что по большому счету все упомянутые памятники являются малоизученными. За исключением культурного слоя Ia Костенок 11, к настоящему времени вскрыто широкой площадью около 1000 м², все остальные стоянки после 1950-х гг. исследовались исключительно небольшими шурфами и зачистками. Этим объясняется то обстоятельство, что для характеристики замятинской культуры в основном привлекались стоянки с относительно большой вскрытой площадью и, как следствие, с наиболее репрезентативными коллекциями каменного инвентаря — Костенки 2, 3, 19, 11 (Ia).

Отдельную проблему составляет соотношение исследованных комплексов и / или раскопов в пределах каждой конкретной стоянки. Если конструктивное сходство вплоть до некоторых деталей исследованных разными раскопами трех костно-земляных конструкций Костенок 11 позволяет заключить, что они были сооружены одним или родственными коллективами, то в случае с Костенками 2 и 19 таких однозначных выводов сделать нельзя. Вскрытые тремя раскопами комплексы Костенок 2 отличаются по структуре, стратиграфическому положению в покровном суглинке, общему составу находок, соотношению типов кремневого сырья, хотя следует признать, что орудийный набор всех трех участков схож, а соотношение изделий со вторичной обработкой различается несущественно (рис. 3). Иная ситуация на Костенках 19, где одним раскопом вскрыты различные по структуре и составу находок участки, которые соотносятся с разными типами памятников (кратковременная стоянка и мастерская) и могут представлять собой разновременный палимпсест.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, в целом материалы перечисленных стоянок не стоит списывать со счетов, признавая их ненадежными для «культурогенетических построений» [Федюнин 2015: 372]. По крайней мере, все те проблемы, с которыми сталкивались авторы раскопок стоянок замятинской культуры и ис-

следователи, изучавшие эти материалы, в равной степени актуальны для большинства (если не для всех) памятников поздневалдайского времени Верхнего и Среднего Дона.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основные аргументы как сторонников, так и противников выделения замятнинской культуры преимущественно касаются технико-типологических характеристик коллекций каменного инвентаря относимых к ней стоянок [Рогачев, Аникович 1984: 213–216; Попов 1989: 22; Аникович и др. 2008: 224–229; Федюнин 2015: 370–372; Федюнин 2017; Федюнин 2018: 318–324]. Прежде чем перейти к их подробному обсуждению, стоит рассмотреть другие аспекты этой проблемы.

Геоморфология и стратиграфия

С момента объединения стоянок, залегающих в покровных суглинках I и II надпойменных и балочных террас, в единую группу [Величко, Рогачев 1969: 75–87], все связанные с проблемой замятнинской культуры памятники относятся к поздней хронологической группе Костенок (III по А.Н. Рогачеву и М.В. Аниковичу или IV по А.А. Синицыну [Sinitsyn 2015: 165, fig. 3]). То есть остатки поселений, привязанные к отложениям верхней части пачки лессовидного суглинка второй балочной террасы (Костенки 2, 10, 11 (Ia и Ib)) и к отложениям первой речной террасы (Костенки 3, 19, 21), геологически одновременны.

Основываясь на данных радиоуглеродного датирования и положения культурных слоев стоянок относительно гмелинской почвы, М.В. Аникович в рамках поздней хронологической группы выделил три этапа, к наиболее позднему из которых (этап IIIС, 20–15 (14) тыс. л. н.) относились все стоянки замятнинской культуры, Борщево 1 и Костенки 18 [Аникович 2005: 81–85; Аникович и др. 2008: 57–58, 65].

На основании стратиграфического положения культурных слоев многослойных памятников Костенки 11 и Костенки 21 можно заключить,

что все стоянки замятнинской культуры моложе стоянок развитого / позднего граветта, обычно ассоциирующихся с гмелинской почвой. Важно также отметить, что ни на одном из памятников культурные слои, связанные с замятнинской культурой, не перекрыты более молодыми культурными отложениями.

Заманчиво было бы согласиться с предположениями о том, что верхний слой Костенок 21 является периферией Костенок 3 [Палеолит... 1982: 200], а второй культурный слой Костенок 21 тождествен Костенкам 19 [Палеолит... 1982: 200–201]. В этом случае перед нами предстает картина развития замятнинской культуры во времени: то есть налицо не планиграфическая одновременность объектов некоторых стоянок, которую сложно доказать, а надежное положение культурных слоев относительно друг друга в одном разрезе. Однако, как уже отмечалось, инвентарь двух верхних слоев Костенок 21 невыразителен, а их стратиграфическая ассоциация с Костенками 3 и 19 гипотетична, что не позволяет делать однозначных выводов.

Абсолютная хронология

Не касаясь отдельной проблемы хронологических рамок поздней группы памятников в Костенках (см.: [Бессуднов 2016a]), следует отметить, что, как ни парадоксально, позднейшие костенковские памятники хуже всего обеспечены данными радиоуглеродного датирования. Широкий разброс дат для памятников замятнинской культуры (табл. 2), большая часть из которых была получена в 1970–1980-е гг., скорее отражает возможности радиоуглеродного метода на тот момент, чем реальный возраст образцов или длительность обитания на поселениях. Основные трудности в интерпретации датировок связаны с отсутствием их серийности и неподтвержденностью новыми радиоуглеродными определениями. На данный момент надежно датированным в пределах 21,5–20 тыс. л. н. может считаться только третий комплекс Костенок 11 (Ia) благодаря сериям AMS-дат, полученных

Таблица 2. Радиоуглеродные даты памятников замятнинской культуры

Table 2. Radiocarbon dates for sites of Zamyatnin culture zation

Лабораторный индекс	Контекст, материал	¹⁴ С-дата, л. н.	Календарный возраст, кал. л. н. ¹	Источник ¹⁴ С-дат
Костенки 2 (ст. Замятнина)				
ГИН-93	Комплекс 1, погребение, лопатка мамонта	11 000 ± 200	12 957 ± 182	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-1599	Кость	16 140 ± 150	19 289 ± 292	Радиоуглеродная хронология... 1997
ГИН-8570	Кость мамонта	17 300 ± 160	20 767 ± 327	Радиоуглеродная хронология... 1997
SPb-671	Кость крупного животного (раскопки 1956 г.)	18 122 ± 155	21 850 ± 373	Верхний палеолит... 2016
ГИН-7992	Тазовая кость мамонта	23 800 ± 150	28 706 ± 405	Радиоуглеродная хронология... 1997
ГИН-7993	Кость мамонта	37 900 ± 900	42 537 ± 743	Радиоуглеродная хронология... 1997
Костенки 3 (Глинище)				
ГИН-8022	Кость мамонта	19 800 ± 210	23 725 ± 375	Радиоуглеродная хронология... 1997
Костенки 10 (Аносовка 1)				
ГИН-8573	Кость мамонта и кость бизона	22 600 ± 1000	27 017 ± 1254	Радиоуглеродная хронология... 1997
ГИН-8027	Кость мамонта	28 250 ± 300	32 694 ± 388	Радиоуглеродная хронология... 1997
Костенки 11 (Аносовка 2) (Ia)				
ЛЕ-1403	Кость мамонта	12 000 ± 100	13 989 ± 232	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-1645	Кость мамонта	14 610 ± 150	17 913 ± 405	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-1704a	Кость	16 040 ± 120	19 179 ± 238	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-17046	Кость	17 310 ± 280	20 755 ± 421	Радиоуглеродная хронология... 1997
ГИН-8079	Кости мамонта	18 700 ± 80	22 373 ± 333	Радиоуглеродная хронология... 1997
ГИН-2532	К/уголь	19 900 ± 350	23 816 ± 484	Радиоуглеродная хронология... 1997
CURL-21043	Комплекс 3, древесный уголь из очага	20 360 ± 150	24 302 ± 324	Hoffecker et al. 2017
CURL-22804	Комплекс 3, древесный уголь из очага	20 620 ± 150	24 590 ± 294	Hoffecker et al. 2017
CURL-21040	Комплекс 3, древесный уголь из очага	20 670 ± 160	24 646 ± 284	Hoffecker et al. 2017
Костенки 21 (Гмелинская ст.) (II)				
ЛЕ-1437	Кость (метод Лонжина)	19 100 ± 150	22 922 ± 305	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-14376	Кость (метод Арсланова)	20 250 ± 100	24 196 ± 286	Радиоуглеродная хронология... 1997
ЛЕ-1437в	Кость (комплексная методика)	22 900 ± 150	27 517 ± 428	Радиоуглеродная хронология... 1997

¹ Калибровка осуществлена в программе Calpal-2007 (онлайн-версия): <http://www.calpal-online.de>

в последние годы в лабораториях Университета Калифорнии [Hoffecker et al. 2017: 4] и ИАЭТ СО РАН (устное сообщение А. Дудина).

Исходя из общего положения, что радиоуглеродные даты отражают минимальный возраст образца и имеют тенденцию к омоложению в случаях, когда не удается произвести полную очистку от загрязнений [Higham 2011], преимущество отдается наиболее древним датам в серии. Однако даты ~38 тыс. л. н. для Костенок 2 и ~28 тыс. л. н. для Костенок 10 не соответствуют геоморфологическому и стратиграфическому положению культурных слоев этих стоянок, поэтому не могут отражать возраст существования поселений. Возможно, несколько удревнена дата для культурного слоя II Костенок 21 (~23 тыс. л. н.), поскольку возраст нижележащего культурного слоя III определяется интервалом 22,5–21,5 тыс. л. н., что подтверждается неопубликованной пока серией AMS-дат из лаборатории Оксфорда ([Бессуднов 2016b: 22], устное сообщение К. Дука). Стоит также принимать во внимание, что большая часть дат получена по костям мамонта, которые считаются не самым надежным индикатором времени функционирования стоянок, учитывая принимаемое многими исследователями заключение, что они могли быть добыты в результате «собираательства» [Чубур 1998; Сергин 2001].

Несмотря на неоднозначность имеющихся радиоуглеродных дат для стоянок замятнинской культуры, время их существования можно ограничить интервалом ~21,5–18 (?) тыс. л. н., что соответствует максимуму последнего оледенения и началу периода дегляциации. Нижняя граница определяется новыми датами для Костенок 11 (Ia) и Костенок 21 (II) и исчезновением стоянок развитого граветта. Верхняя граница определяется скорее интуитивно и не может считаться бесспорной до получения новых серий дат.

Такие временные рамки для стоянок замятнинской культуры в целом попадают в границы хронологической группы IIIС, выделенной М.В. Аниковичем [Аникович 2005: 81–85; Аникович и др. 2008: 57–58, 65]. Однако, в отличие от М.В. Ани-

ковича, мы не склонны считать, что к этой же группе относятся стоянки Костенки 18 и Борщево 1. Для первой из них недавно была получена прямая дата по костям человека из погребения порядка ~23,5 тыс. л. н., которая хорошо согласуется с наиболее древними датами памятников костенковско-авдеевской культуры в Костенках [Reynolds et al. 2017]. Борщево 1 имеет серию дат в пределах 16–15 тыс. л. н. и значительно отличается набором каменного инвентаря от стоянок замятнинской культуры, что позволяет отнести стоянку к другому хронологическому этапу [Бессуднов 2013: 136]. Таким образом, можно сделать заключение, что замятнинская культура занимает обособленную «хронологическую нишу», а во время ее существования никакие другие культурные традиции в Костенках не представлены.

Типы стоянок и хозяйственно-бытовые объекты

Как уже отмечалось, вариабельность коллекций памятников и комплексов замятнинской культуры объяснялась различиями в функциональной направленности и сезоном обитания. Костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа традиционно считаются зимниками, жизнь на которых продолжалась в течение нескольких или даже десятков лет ([Григорьев 1970: 58–59; Сергин 1974; Аникович и др. 2008: 213–215] и др.). Четко локализованные в плане линзы культурного слоя с очагами в центре в первых двух комплексах Костенок 19 и, возможно, в Костенках 3 рассматривались как остатки легких (сезонных) наземных жилищ [Ефименко 1953: 534; Борисковский 1963: 158–161; Аникович и др. 2008: 228]. Кроме того, согласно интерпретации разных исследователей, на стоянках замятнинской культуры представлены открытые кострища (Костенки 19, комплекс 2 (?), «очаг», раскопанный С.Н. Замятниным в комплексе 1 Костенок 2), «склады» или естественные скопления костей мамонта (Костенки 2, комплекс 2, Костенки 10 (?)), погребение в камере (Костенки 2, комплекс 1), мастерская (Костенки 19, комплекс 4),

«производственный» комплекс (Костенки 2, комплекс 3), которые сопровождаются участками культурного слоя без отнесения к тому или иному виду хозяйственно-бытовой деятельности (табл. 1). Соотношение этих объектов даже в пределах одной стоянки остается до конца не выясненным, и если предположить их относительно синхронное функционирование, то материал из различных участков и объектов, несомненно, будет отличаться количественными и качественными показателями.

Изделия из кости и предметы искусства

Эти категории находок никогда не рассматривались в контексте проблемы выделения замятинской культуры. Дело в том, что на фоне богатого разнообразия костяного инвентаря и искусства граветтских памятников, коллекции стоянок замятинской культуры, как и всей поздней поры верхнего палеолита Дона в целом, выглядят очень бедными и едва ли пригодны для сравнительного анализа. До недавнего времени они были представлены лишь широко распространенными хронологически и территориально изделиями из кости и бивня (шилья, лощила, стержни, мотыжки и др.), а предметы искусства и украшения ограничивались схематичной антропоморфной скульптурой и несколькими простыми орнаментами на кости из Костенок 2, костяной подвеской с круговыми прорезами из Костенок 11 (Ia) и несколькими подвесками из раковин и члеников морских лилий в Костенках 19 [Борисковский 1963: 45–48, 144; Палеолит... 1982: 72, 75, 125; Абрамова, Синицын 2002: 175–176]. Лишь один предмет из старых коллекций рассматривается как весьма специфический тип орудия — округлое в сечении острие «типа истюриц» из Костенок 2 [Верхний палеолит... 2016: 236], ближайшие аналогии которому в Восточной Европе имеются в эпиориньякской стоянке Оболонь и граветтском памятнике Дорошивец [Ступак и др. 2014: 28–29].

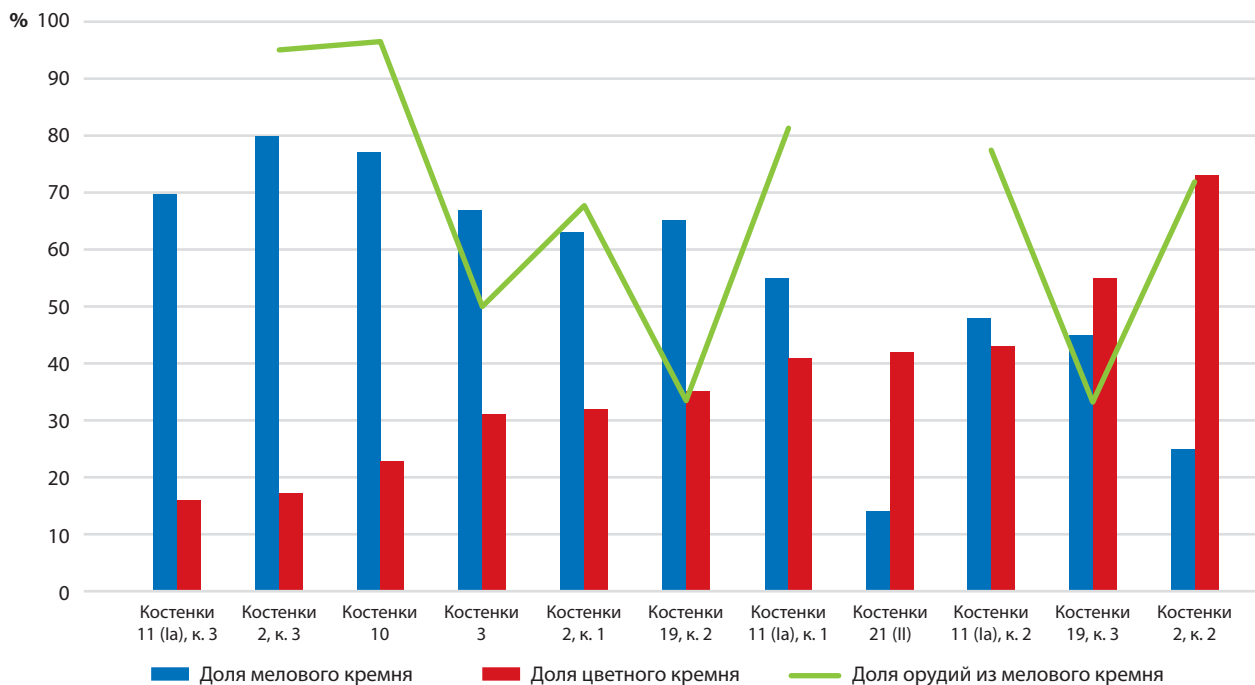
Работы последних лет на третьем комплексе Костенок 11 (Ia) существенно дополнили кол-

лекцию обработанной кости [Ахметгалева и др. 2017] и предметов искусства [Ахметгалева, Дудин 2017], однако первая категория находок также выражается в присутствии недиагностичных типов (острия, стержни, орудия со скошенными концами, лопаточки), а вторая — единичных индивидуальных предметов (орнаментированные бивневые мотыги, бусина, «фибула» и «стилизованная метаподия мелкого животного»). При их изготовлении применялся широкий спектр технологических приемов, характерных как для более ранних индустрий граветтского круга, так и для памятников поздней поры верхнего палеолита [Ахметгалева, Дудин 2017: 39]. Таким образом, малодиагностичность изделий из кости и индивидуальный характер предметов искусства, наряду с их малочисленностью, не позволяют не только сравнивать эти категории находок между отдельными стоянками замятинской культуры, но и совокупно определить их место в системе других культурных образований и хронологических этапов.

Каменный инвентарь

Суммируя характеристики основоположников и сторонников выделения замятинской культуры [Рогачев, Аникович 1984: 214–216; Аникович и др. 2008: 228–229], общие особенности каменного инвентаря (рис. 2) отнесенных к ней стоянок можно выразить в следующем:

- использование в качестве сырья местного цветного моренного и плитчатого кремня, которое, в зависимости от памятника, или преобладает, или составляет значительную часть коллекции;
- техника первичного раскалывания направлена на получение небольших (3–6 см) пластинок неправильных форм, полученных в том числе в технике резцового скалывания;
- при получении заготовок широко использовались вторичные нуклеусы, многофасеточные (нуклевидные) резцы и кремневые плитки;
- техника вторичной обработки, помимо приема резцового скалывания, характеризуется ис-

Рис. 5. Соотношение мелового и цветного кремня на стоянках зямятнинской культуры. Доля орудий из мелового кремня Костенок 19 — суммарная для всех комплексов; данные о количестве орудий из мелового кремня для комплекса 3 Костенок 11 (Ia) и Костенок 21 (II) отсутствуют.

Fig. 5. The ratio of chalk and color flint in the sites of Zamyatninskaya culture. The share of tools made from chalk flint for Kostenki 19 is given in total for all complexes; data on the number of chalk flint tools for the third complex of Kostenki 11 (Ia) and Kostenki 21 (II) are missing.

пользованием чешуйчатой подтески и мелкой приостряющей ретуши; использование крутой или вертикальной ретуши минимально;

- типологический набор беден, специфические типы орудий отсутствуют;
- наиболее характерные изделия — разнообразные долотовидные орудия, не создающие устойчивых серий, и пластинки с ретушью;
- аморфность и многофасеточность резцов, отсутствие четкой границы между нуклеусами и резцами, минимальное количество ретушных резцов или их отсутствие;
- «немногочисленные, но выразительные пластинки с притупленным краем» [Аникович и др. 2008: 229].

Невыразительность перечисленных особенностей каменного инвентаря стоянок зямятнинской культуры позволила Н.Д. Праслову справед-

ливо назвать эту индустрию «не имеющей своего лица» [Праслов 2001: 36]. Однако на фоне других геологически одновременных памятников, залегающих над верхней гумусированной толщей (то есть более ранних стоянок граветтийского круга и более молодых «типично» эпиграветтийских), такая группировка признаков дает основание объединять рассматриваемые стоянки в нечто большее, чем отдельные поселения со сходными чертами каменного инвентаря.

В первую очередь обращает на себя внимание высокая доля использования цветного моренного кремня и цветного плитчатого кремня низкого качества (рис. 5). Несмотря на значительные отличия в соотношении типов сырья даже среди разных комплексов одной стоянки (ср. комплексы 2 и 3 Костенок 11 (Ia), комплексы 2 и 3 Костенок 2 и др.), процент использования

цветного кремня в разы больше, чем на других памятниках поздней хронологической группы (за исключением культурного слоя II Борщево 2, где цветной кремень составляет 74% [Цыганов 1995: 9]). Едва ли это является показателем предпочтений древних коллективов, поскольку доля изделий со вторичной обработкой, изготовленных из мелового кремня, относительно высока во всех комплексах (рис. 5). Если не учитывать данные из Костенок 19, где имеются лишь суммарные подсчеты для всей стоянки (33,3%), то доля орудий из мелового кремня варьирует в пределах 50–96,5% и высока даже в комплексах с преобладанием цветного кремня (комплекс 2 Костенок 2, комплекс 2 Костенок 11 (Ia)). Все это указывает на то, что черный меловой кремень ценился, однако был малодоступным, на что уже обращали внимание исследователи [Борисковский 1963: 154; Родионов 2016: 116–117]. Дефицит сырья в том числе отразился в свидетельствах вторичного использования кремня: обитатели культурного слоя Ia Костенок 11 использовали предметы из нижележащих культурных слоев, подобранные на поверхности или обнаруженные в ходе рытья ям [Родионов 2016: 68, 142]; в Костенках 19 зафиксирован резец с иной степенью патинизации, возможно принесенный с другой стоянки [Борисковский 1963: 134]. Таким образом, специфическая сырьевая ориентация если и не является культурной характеристикой, то отражает сходные модели поведения в условиях дефицита сырья.

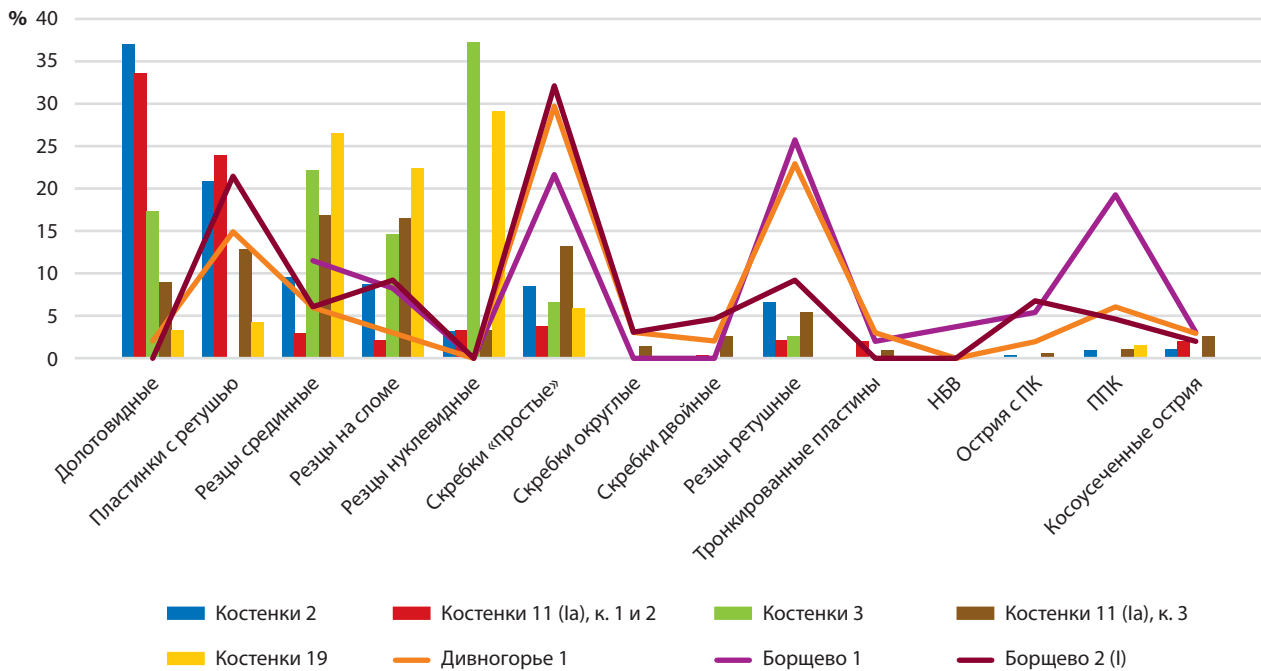
Несомненно, дефицит сырья отразился на технике первичного производства. На большинстве стоянок отмечено присутствие относительно крупных пластин, однако контекст их изготовления остается неясен [Борисковский 1963: 31; Палеолит... 1982: 70; Федюнин 2017: 25]. Использование вторичных нуклеусов на отщепах, осколках, фрагментах пластин и орудиях, часть из которых в процессе расщепления приобретали форму высоких скребков, а также торцового скалывания с плиток местного кремня предопределило мелкие размеры основной группы целевых сколов. Неслучайно и применение резцо-

вой техники для получения сколов как наиболее экономичной [Родионов 2013b] и, как следствие, отсутствие границы между миниатюрными нуклеусами и многофасеточными резцами в инвентаре всех памятников.

Для техники вторичной обработки кремня ключевым показателем является минимальное применение крутой и вертикальной ретуши, наличие которой традиционно считается основным критерием для отнесения индустрий к граветтийскому (эпиграветтийскому) техноккомплексу. Использование ее в стоянках замятнинской культуры ограничивается лишь поперечным и косым усечением края заготовки при изготовлении скребков и, значительно реже, косоусеченных острий, ретушных резцов и тронкированных пластин. Продольное усечение (притупление) края заготовки не характерно и зафиксировано лишь в нескольких случаях, описываемых ниже.

Анализируя соотношение орудийного набора, необходимо в очередной раз отметить его вариабельность как между стоянками, так и между отдельными комплексами одного памятника (рис. 3; рис. 6). Причем это может объясняться как различным функциональным назначением комплексов / стоянок, так и различным подходом авторов к интерпретации изделий (ср. комплексы Костенок 11 (Ia) [Палеолит... 1982: 125; Попов 1989: 12–13; Аникович и др. 2008: 215–216; Федюнин 2017]). Даже такая наиболее характерная категория находок, как долотовидные орудия, варьирует от ~3,5% в Костенках 19 до ~37% в Костенках 2 (рис. 6). Хотя долотовидные орудия не являются редкостью в палеолите и широко распространены в костенковских стоянках, настолько высокое содержание их в орудийном наборе характерно только для городцовской и замятнинской культур [Синицын 2007: 10–11]. К сожалению, в рамках данной функциональной категории изделий специфические типы выделить очень сложно, что снижает их информативность.

Как следует из диаграммы, в целом среди орудийного набора замятнинской культуры наи-

Рис. 6. Соотношение основных категорий орудий стоянок замятнинской культуры и некоторых эпиграветтийских памятников Подонья (по данным из литературы к табл. 1 и [Цыганов 1995; Бессуднов и др. 2012])

Fig. 6. The ratio of main categories of tools for sites of Zamyatnin culture and some Epigravettian sites on the Don River (on data from the literature in table 1 and from [Tsyganov 1995; Bessudnov et al. 2012])

большее распространение имеют долотовидные орудия, резцы различных вариантов и пластинки с ретушью. Только в третьем комплексе Костенок 11 (Ia) скребки составляют более 15%, на остальных памятниках — менее 10%. Единичные категории изделий со вторичной обработкой представлены ретушными резцами, тронкированными пластинами, косоусеченными остриями и изделиями с притупленным краем. То есть те изделия, которые традиционно считаются характерными для каменного инвентаря эпиграветтийских стоянок ([Kozłowski 1986: 168–169; Нужный 2008; Гаврилов 2016: 56] и др.), в материалах замятнинской культуры практически не представлены. Для сравнения на диаграмме (рис. 6) приведены данные о процентном соотношении орудий на эпиграветтийских стоянках Среднего Дона — Борщево 1 и 2, Дивногорье 1. За исключением категории пластинок

с ретушью, остальные показатели существенно отличаются.

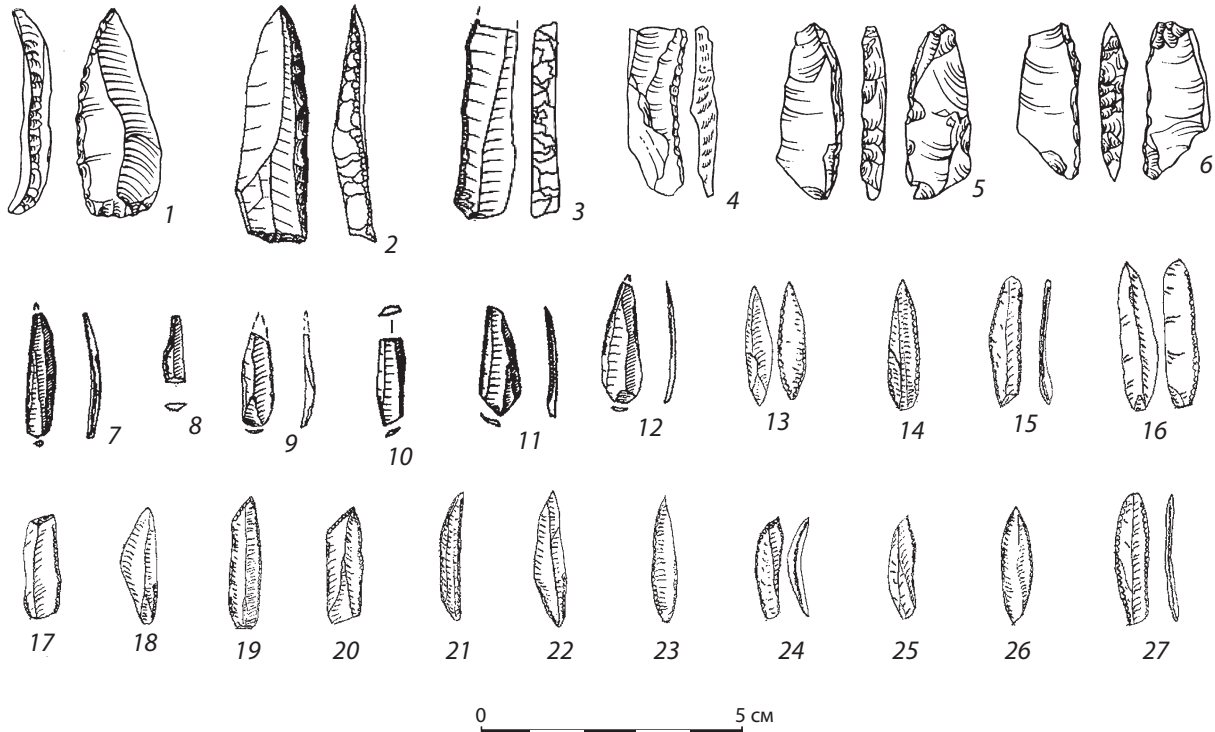
Особо стоит остановиться на категории изделий с притупленным краем, которая считается одним из наиболее важных культурно-хронологических маркеров средней и поздней поры верхнего палеолита ([Амирханов 1998: 22; Лисицын 1998; Лисицын 1999; Нужный 2008: 5; Гаврилов 2016: 39] и др.). Как уже было отмечено выше, притупление края в целом не характерно для каменного инвентаря относимых к замятнинской культуре стоянок. В небольшом количестве пластинки и острия с притупленным краем имеются в Костенках 2 (ППК — 0,96%, ОПК — 0,32% от общего числа орудий), Костенках 19 (ППК — 1,67%) и третьем комплексе Костенок 11 (Ia) (ППК — 1%, ОПК — 0,5%).

В материалах первых двух жилых комплексов Костенок 11 (Ia), а также юго-восточного пунк-

та о присутствии изделий с притупленным краем не сообщается [Палеолит... 1982: 125; Попов 1989: 12–13], хотя пластинки с ретушью составляют внушительный процент (~25%) от общего числа изделий со вторичной обработкой (рис. 6). При публикации каменного инвентаря из третьего жилого комплекса И.В. Федюнин отмечает наличие единичных изделий с притупленным краем [Федюнин 2017: 28; Федюнин 2018: 322], однако «классический» притупленный край имеется только у одного предмета — острия с притупленным краем и основанием, которые сходятся под углом, близком к 90° (рис. 7: 2). Этот весьма специфический тип орудия, который

разные авторы называют ановским острием [Попов 1989: 15; Попов, Пустовалов 2004: 5], азильским острием [Беляева 2002: 136; Аникович и др. 2008: 201–202] или острием / ножом типа федермессер [Синицын 2013: 12–13; Синицын 2014], считается характерным для ряда памятников развитого граветта Русской равнины (Костенки 11 (II), северные комплексы Костенок 21 (III), Пушкари, Ключсы. См.: [Reynolds et al. 2019: 33–34]). Во втором культурном слое Костенок 11, на который местами «налегает» культурный слой Ia [Палеолит... 1982: 119], эти изделия представлены серийно и составляют более 10% от числа орудий [Попов 1989: 15]. Вполне ве-

Рис. 7. Микролиты стоянок замятнинской культуры: «нехарактерные» (1–6) и «характерные» (7–27).

1, 5, 6 — Костенки 2, комплекс 1; 2, 7, 12 — Костенки 11 (Ia), комплекс 3; 3, 4 — Костенки 19; 13–27 — Костенки 11 (Ia), комплексы 1 и 2 (1, 4–6 — по: [Борисковский 1963: 37, рис. 21; 39, рис. 22]; 2, 7–12 — по: [Федюнин 2017: 30, рис. 6]; 3 — по: [Федюнин 2018: 320, рис. 2]; 13–27 — по: [Синицын 2015: 174, fig. 28]).

Fig. 7. Microliths of Zamiatnin culture' sites: «non-distinctive» (1–6) and «distinctive» (7–27). 1, 5, 6 — Kostenki 2, complex 1; 2, 7, 12 — Kostenki 11 (Ia), complex 3; 3, 4 — Kostenki 19; 13–27 — Kostenki 11 (Ia), complexes 1 and 2 (1, 4–6 — after: [Boriskovsky 1963: 37, fig. 21; 39, fig. 22]; 2, 7–12 — after: [Fedyunin 2017: 30, fig. 6]; 3 — after: [Fedyunin 2018: 320, fig. 2]; 13–27 — after: [Sinitsyn 2015: 174, fig. 28]).

роятно, что это изделие, выбивающееся из облика коллекции культурного слоя Ia, могло механически попасть из культурного слоя II или быть подобрано обитателями стоянки. Интригу проблеме придает наличие двух типичных аносковских острий в первом комплексе Костенок 2 (рис. 7: 1), которые также выглядят обособленно среди относительно большой разнородной группы острий (12 экз.) [Борисковский 1963: 38]. Однако здесь они сопровождаются небольшим количеством ППК (6 экз.). Во втором комплексе изделия с притупленным краем отсутствуют, в третьем — несмотря на достаточно высокий процент относительно числа орудий (2,4%) — они представлены всего одним фрагментом. Из 5 имеющихся в первом комплексе Костенок 2 пластинок с притупленным краем две происходят из раскопок С.Н. Замятнина. Оставшиеся три МППК имеют неправильную форму, притупленный край которых обработан встречной контрударной ретушью, а на дорсальной и вентральной поверхностях, судя по рисунку (рис. 7: 5, 6), присутствуют негативы встречного скалывания и миниатюрные «резцовые» сколы.

В Костенках 19 П.И. Борисовским отмечены две МППК неправильной удлинённой формы, обработанные встречной ретушью [Борисковский 1963: 134]. Однако лишь один из описанных предметов можно в полной мере считать пластинкой с притупленным краем (рис. 7: 4), второе изделие больше похоже на краевой / резцовый скол или неправильной формы пластинку с разновеликой нерегулярной полукрутой или крутой ретушью по краю [Борисковский 1963: 135, рис. 96: 6]. Из описанных И.В. Федюниным «пластин и отщепов с отвесной встречной или однонаправленной ретушью» [Федюнин 2018: 306] лишь одно орудие можно отнести к категории МППК (рис. 7: 3), остальные представляют собой маловыразительные фрагменты или предметы с нерегулярной (не покрывающей весь край) ретушью.

Таким образом, можно заключить, что категория изделий с притупленным краем не является характерной для каменного инвентаря

стоянок замятнинской культуры. На фоне эпиграветийских памятников, где доля этих орудий варьирует в пределах 6–42% от всех изделий со вторичной обработкой ([Нужный 2015: 416–419; Гаврилов 2016: 56; Леонова, Виноградова 2018: 122–123] и др.), единичные предметы, обнаруженные в Костенках 2, Костенках 19 и Костенках 11 (Ia), выглядят по меньшей мере обособленно. Своеобразие этих микропластинок на фоне других ППК позднего верхнего палеолита неоднократно подчеркивалось авторами [Рогачев, Аникович 1984: 216; Лисицын 1999: 118; Аникович и др. 2008: 229]. Описывая сходство каменного инвентаря Костенок 2, 3 и 19, А.Н. Рогачев и М.В. Аникович отмечали, что пластинки с притупленным краем этих стоянок сближены «вплоть до совпадения типов» [Рогачев, Аникович 1984: 216], однако это «совпадение» по большому счету выражалось лишь в использовании встречной притупливающей ретуши и в неправильной форме предметов, при этом на тот момент во всех коллекциях стоянок замятнинской культуры изделий с притупленным краем насчитывалось около 10, из которых три иллюстрировались как наиболее «типичные» (рис. 2: 9, 12, 13; рис. 7: 1, 5, 6).

Важным обстоятельством является абсолютное отсутствие в памятниках замятнинской культуры контекста производства и / или использования изделий с притупленным краем, что может свидетельствовать как о случайности этих форм, так и их инородности. Учитывая сложность при оценке гомогенности коллекций из старых раскопок, а также свидетельства различного рода постдепозиционных нарушений, в том числе зафиксированных при исследовании третьего комплекса Костенок 11 (Ia) [Дудин 2018: 53], не исключено, что изделия с притупленным краем являются интрузивной примесью. Отдельную проблему составляет наличие аносковских острий в инвентаре Костенок 2 и 11 (Ia). С одной стороны, они настолько специфичны и многочисленны во втором культурном слое Костенок 11, что могут рассматриваться не иначе как сторонняя примесь. С другой стороны, они

представлены хоть небольшой, но серией (1 экз. в Костенках 11 (Ia) и 2 экз. в Костенках 2), что уже не может объясняться простой случайностью. Их наличие в материалах Костенок 2 даже послужило основанием для М.В. Аниковича с соавторами сделать предположение о возможной культурно-генетической связи между гмелинской и замятинской культурами [Аникович и др. 2008: 229]. В любом случае, независимо от их происхождения (изготовление или подбор), присутствие аносовских острий в инвентаре Костенок 2 и Костенок 11 (Ia) свидетельствует о схожем поведении обитателей стоянок.

Гораздо более типичны для инвентаря замятинских стоянок миниатюрные пластинки с ретушью, изготовленные на тонких заготовках, часть из которых получена в технике резцового / торцового скалывания (рис. 7: 7–27). Как правило, они имеют перообразное окончание, иногда изогнутый и даже скрученный профиль, а на краях — мелкую, не всегда регулярную, ретушь, которая в ряде случаев схожа с ретушью «утилизации». Наиболее многочисленны эти изделия в коллекциях Костенок 11 (Ia) и Костенок 2 (рис. 6), в Костенках 19 они не столь представительны, однако здесь присутствует большое количество аналогичных по морфологии неретушированных пластин, что может быть обусловлено функциональной спецификой стоянки. По локализации краевой ретуши В.В. Попов выделял 6 вариантов пластинок с ретушью для Костенок 11 (Ia) [Попов 1989: 12–13]. По форме заготовок, характеру и расположению ретуши часть этих пластинок сближается с микролитами мураловского [Праслов 1972] или сагайдакско-мураловского типа [Демиденко и др. 2017], отнесенными некоторыми авторами к разновидности пластинок дюфур [Амирханов 1998: 23; Кетрару и др. 2007: 141]. Констатируя определенное сходство в технике изготовления и морфологии пластинок замятинской культуры и эпиориньякских памятников на фоне их разительного отличия от изделий с притупленным краем, мы тем не менее не делаем окончательных выводов о степени их тождества до де-

тальных технико-типологических исследований этой категории изделий.

Подводя итог описанию каменного инвентаря памятников замятинской культуры, следует заключить, что в целом коллекции стоянок Костенки 2, 3, 10, 11 (Ia), 19 имеют много общего, а отличия хотя и существенны, но не выходят за пределы вариативности различных комплексов каждой стоянки. В основном эти отличия касаются процентного содержания использованного сырья, соотношения той или иной категории изделий и отсутствия / наличия отдельных специфических типов, что может варьировать даже на отдельных участках одного поселения (см.: [Гвоздовер, Григорьев 1975; Леонова и др. 2006: 193–218]).

Вместе с тем стоит отметить, что по степени сходства каменного инвентаря, геоморфологическому положению, локализации и особенностям бытовых сооружений памятники замятинской культуры отчетливо подразделяются на две группы. Стоянки, расположенные в Аносологу («аносовская» группа — Костенки 2, 11 (Ia), 10), характеризуются привязкой к отложениям второй террасы в глубине лога, наличием долговременных жилищ, относительно высоким процентом использования мелового кремня, большим разнообразием категорий изделий и большим присутствием малохарактерных для замятинской культуры орудий — ретушных резцов, изделий с притупленным краем, усеченных пластин и острий. Напротив, памятники, которые концентрируются в устье Попова лога («поповская» группа — Костенки 3, 19, 21 (I)), расположены на первой террасе рядом с Доном, имеют остатки легких наземных конструкций, а в их каменном инвентаре прослеживается более активное употребление местных видов сырья, сравнительно большая бедность и аморфность форм и единичное присутствие ППК и ретушных резцов. В равной степени такая группировка памятников может отражать их разную функциональность, сезонность, одновременность (есть основания полагать, что «аносовская» группа памятников может быть несколько древнее), разнокультурность или просто являться искусственной.

Замятнинская культура в контексте позднего палеолита Восточной Европы

Для суждения о правомерности существования такого явления, как замятнинская культура, необходимо рассмотреть его в контексте других однопорядковых явлений, в данном случае — геологически одновременных культурных / надкультурных образований.

Рассматривая проблему развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе в период 21 (20) — 12 (10) тыс. л. н., западноевропейские авторы, как правило, используют однолинейную модель (рис. 8), где не существует альтернативы эпиграветту, генетически связанному с граветтом ([Kozłowski 1986: 133, fig. 3.1; Montoya 2004: 5, fig. 1; Maier 2015: 4] и др.). Такая схема развития кажется сильно упрощенной, особенно при сравнении с Западной Европой, где начиная с максимума последнего оледенения друг друга последовательно сменяют различные культурно-хронологические единицы (солутре — бадегульен — мадлен — азиль). В то же время и большинство исследователей на постсоветском пространстве для обозначения поздневалдайских индустрий Восточной Европы

Рис. 8. Карта распространения эпиграветта в Европе (по: [Montoya 2004: 5, fig. 1])

Fig. 8. Map of the Epigravettian distribution in Europe (after: [Montoya 2004: 5, fig. 1])

используют термин «эпиграветт» ([Аникович 1998: 64; Нужный 2008; Оленковский 2008; Гаврилов 2009] и др.).

Такая однолинейная схема развития оставляет мало места для инокультурных образований, хотя они определенно фиксируются на Русской равнине. В настоящее время здесь выделяется несколько специфических таксонов, которые противопоставляются эпиграветту: эпиориньяк, памятники которого концентрируются на юге Восточной Европы [Демиденко и др. 2017], и несколько локальных образований с неясной таксономической позицией, включая замятнинскую археологическую культуру. Точка зрения о возможной мадленской составляющей в отдельных стоянках [Абрамова, Григорьева 2005: 41; Ахметгалеева 2015: 183; Demidenko 2018: 21] интересна, однако дискуссионна. На данный момент скорее стоит согласиться с мнением А. Майера о том, что в областях, где мадлен и эпиграветт представлены вместе, коллекции каменного инвентаря невозможно разделить типологически [Maier 2015: 4], что в целом согласуется с предположением Я. Козловского о принадлежности мадлена и эпиграветта единому технокомплексу [Kozłowski 1986: 131].

В отечественном палеолитоведении 1970–1980-х гг. вопрос о месте замятнинской культуры в системе верхнепалеолитических древностей практически не ставился — достаточно было признать ее «отличной от других» локальных археологических культур. В последующие годы одни исследователи считали ее самостоятельной археологической культурой [Рогачев, Аникович 1984: 213–216; Попов 1989: 22; Родионов 2013а], другие, преимущественно иностранные авторы, ассоциировали с эпиграветтом или одним из его вариантов ([Kozłowski 1986: 168; Montoya 2004: 4] и др.), третьи делали вывод об искусственности термина, который объединяет разнокультурные материалы отдельных стоянок с некоторыми сходными чертами [Федюнин 2015: 370–372; Федюнин 2018: 318–324, 333]. Интересный синтез понятий осуществил М.В. Аникович, признавая выделение замятнинской культуры в рамках

существования второго этапа Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонта, под которым подразумевается «восточный эпиграветт» [Аникович 1998: 56–58, 64]. А.А. Синицын, в целом признавая существование «замятнинской культурной традиции», считает, что из-за существенных отличий в каменном инвентаре эту группу памятников лучше характеризовать не как культурную, а как хронологическую [Sinitsyn 2015: 175].

Детальный критический разбор материалов стоянок замятнинской культуры, предпринятый И.В. Федюниным [2015: 370–372], позднее был дополнен первыми публикациями каменного инвентаря третьего комплекса Костенок 11 (Ia) [Федюнин 2017; Федюнин 2018]. Фактически отрицая существование замятнинской культуры, в поздневалдайское время на Среднем Дону автор выделяет две разновидности эпиграветта. К первой группе им относятся Костенки 2, 3 и 19, материал которых характеризуется «прежде всего, высокой степенью применения крутой и отвесной формообразующей ретуши на орудиях труда при невыразительности ансамбля в целом» [Федюнин 2018: 333]. Во вторую группу И.В. Федюниным объединяются Костенки 11 (Ia), дивногорские памятники, нижний слой Назаровки, Борщево 2 и, возможно, Борщево 1. Критерии формирования второй группы эпиграветта автором детально не обсуждаются. Даже если пренебречь явно преувеличенной степенью употребления «крутой и отвесной формообразующей ретуши», остается непонятно, как Костенки 2 и 11 (Ia) попадают в различные группы. Уровень сходства между коллекциями каменного инвентаря и жилими конструкциями указанных памятников настолько высок, что допускалось даже сосуществование их в рамках одного обширного поселения [Рогачев, Аникович 1984: 214; Аникович и др. 2008: 224], вплоть до предположения об обособленной жизни парных семей [Григорьев 1970: 59]. Также нелогичным выглядит группировка Костенок 11 (Ia) с гораздо более молодыми стоянками «типичного» эпиграветта.

Для оценки степени отношения замятнинской культуры к эпиграветту необходимо определить понятие последнего. Исходя из практически общепринятого мнения, под (восточным) эпиграветтом понимается совокупность индустрий поздней поры верхнего палеолита, существовавших в период от максимума валдайского оледенения до межстадиала беллинг (21–12 тыс. л. н.), облик инвентаря которых определяется наличием разнообразных изделий с притупленным краем ([Kozlowski 1986: 131–132; Васильев и др. 2007: 256] и др.). Для каменного инвентаря эпиграветтских стоянок, помимо фонового присутствия изделий с притупленным краем, характерна высокая доля скребков, среди которых большая часть — простые, но встречаются также специфические миниатюрные двойные и округлые; многочисленна категория резцов, преимущественно ретушных; важным атрибутом является наличие косоусеченных острий и тронкированных пластин; изредка встречаются «атипичные» наконечники с боковой выемкой. Все перечисленные категории изделий лишь в незначительной мере присутствуют в коллекциях некоторых стоянок замятнинской культуры или вообще не представлены (рис. 2: 6, 7). Является ли наличие этих единичных предметов, часть из которых выбивается из общего облика коллекций, достаточным основанием для отнесения замятнинской культуры к эпиграветту или одному из его вариантов, вопрос скорее риторический, на который разные авторы могут ответить по-разному. Из этого вытекает следующая проблема: если признать замятнинскую культуру эпиграветтом, то как объяснить тот факт, что хронологически более ранние «эпиграветтские» индустрии (21,5–19 (18) тыс. л. н.) имеют в технико-типологических характеристиках каменного инвентаря гораздо меньше общего с граветтом, чем более поздние (16–12 тыс. л. н.)?

На фоне существенного отличия коллекций эпиграветтских и замятнинских памятников обращает на себя внимание определенное технологическое сходство последних с материалами эпиориньякских стоянок, которое, прежде

всего, выражается в способах получения заготовок и их морфологических характеристиках. В типологическом составе индустрий имеются как сходства (значительная доля нуклевидных многофасеточных резцов, присутствие миниатюрных пластинок с ретушью и микроострий), так и различия (доля и разнообразие кареноидных скребков и высоких форм вообще, наличие в эпиориньякских стоянках разнообразных проколов и сверл с выделенным жалом, отличия в микролитическом компоненте и др.), однако следует особо подчеркнуть общность негативного признака — отсутствие или малочисленность характерных для граветта и эпиграветта изделий с притупленным краем, ретушных резцов, изделий с усеченными концами [Праслов 1972; Амирханов 1998: 22–23; Кетрару и др. 2007; Демиденко и др. 2017]. Стоит заметить, что, анализируя каменный инвентарь Костенок 2 и 3, П.П. Ефименко называл его «псевдоориньякским», хотя в эту же группу им были отнесены коллекции нижних слоев Костенок 4 и Кирилловской, Елисеевичей и «других подобных памятников так называемого раннего мадлена» [Ефименко 1953: 485]. «Ориньякоидный» облик инвентаря отмечали Н.Д. Праслов и М.А. Иванова при описании небольшой коллекции находок из верхнего слоя Костенок 21 [Палеолит... 1982: 200].

Анализируя основанную на радиоуглеродных определениях хронологию рассмотренных индустрий (рис. 9), следует отметить, что даты основных памятников кластеризуются как минимум в две группы. Даже если принимать длинную хронологию существования поселений и использовать, на наш взгляд, явно омоложенные радиоуглеродные даты, очевидно, что даты стоянок замятнинской культуры и эпиориньяка попадают в одну группу, а памятники «классического» эпиграветта — в другую, граница между которыми проходит на уровне 18–16 тыс. л. н. Если же оперировать только надежными и серийными датировками и исключить радиоуглеродные определения, противоречащие геологическому залеганию культурных слоев, то интервалы существования обеих хронологических

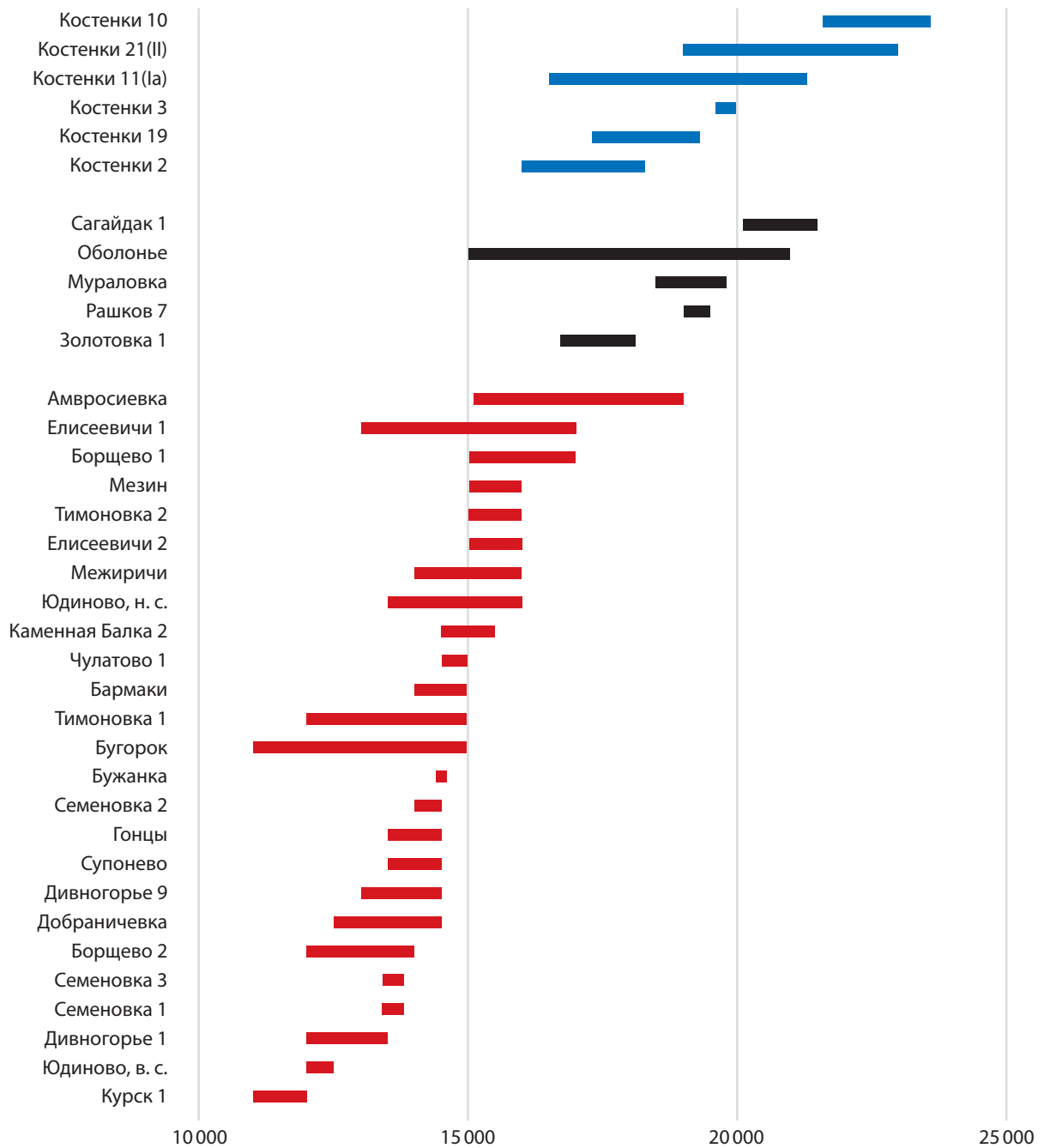
групп сузятся, а хиатус между ними, наоборот, увеличится.

На наш взгляд, приведенных доводов вполне достаточно для группировки Костенок 2, 3, 11 (Ia), 19 и, возможно, Костенок 10 в обособленную культурно-хронологическую единицу, которая отличается от граветтийских и эпиграветтийских памятников как по возрасту, так и по традициям, выраженным в типологических характеристиках каменного инвентаря, различных хозяйственно-бытовых конструкциях, искусстве и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о проблеме существования замятнинской культуры, нельзя не отметить, что прежде всего она носит методический характер, связанный с возможностями и критериями выделения археологических культур в палеолите. А.Н. Рогачев, провозгласив идею локального культурного развития, не сформулировал основные принципы выделения археологических культур, в связи с чем различные авторы подходят к возможности их выделения с разными методологическими установками. В случае с замятнинской культурой, фактически анализируя одни и те же материалы и зачастую приходя к сходным выводам, одни исследователи считают отмеченные сходства достаточными для объединения их в одну культуру, другие — нет. Это обусловлено в том числе и некоторой «ущербностью» источниковедческой базы, и отсутствием в коллекциях замятнинских стоянок ярких специфических типов орудий.

Несмотря на отличия в структуре культурного слоя, разнообразие хозяйственно-бытовых конструкций и вариабельность коллекций каменного инвентаря как между стоянками, так и между отдельными комплексами замятнинской культуры, мы тем не менее склонны признавать, что на данный момент имеются серьезные основания для их объединения в одну культурно-хронологическую группу. Особенно отчетливо своеобразие замятнинской индустрии прояв-

Рис. 9. Распределение суммы некалиброванных радиоуглеродных дат для некоторых стоянок поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Синим — стоянки замятнинской культуры, черным — эпиуриньяк, красным — эпиграветт (по данным неопубликованной базы радиоуглеродных дат А.А. Синицына и А.А. Бессуднова).

Fig. 9. Graphical distribution of summarized uncalibrated radiocarbon dates for selected Late Upper Palaeolithic sites on the Russian Plain. Blue — sites of Zamyatnin culture, black — Epiurignacian sites, red — Epigravettian sites (based on unpublished data bank of radiocarbon dates by A.A. Sinitsyn and A.A. Bessudnov).

ляется на фоне более ранних стоянок развитого граветта и более молодых памятников «типичного» эпиграветта. Замятнинская культура, занимая свою хронологическую нишу в период 21,5–18 (?) тыс. л. н., обнаруживает определенные, прежде всего технологические, аналогии с синхронными эпиориньякскими памятниками юга Восточной Европы, однако такое сходство проявляется скорее на фоне явного противопоставления эпиграветту и едва ли может считаться культурным.

Тем не менее стоит признать, что сделанные выводы не являются окончательными. Способствовать решению проблемы сможет детальный анализ коллекций каменного инвентаря каждо-

го комплекса и получение новых радиоуглеродных дат, которые должны снять вопросы о синхронности / асинхронности отдельных участков внутри стоянок и их культурной гомогенности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность А.А. Сеницыну за неоднократные консультации при написании статьи, а также А.Е. Дудину за предоставленную возможность работы с материалами Костенок 19, ознакомительного осмотра коллекции каменного инвентаря третьего комплекса Костенок 11 (1а) и длительные дискуссии о позднем верхнем палеолите Костенок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова, Григорьева 2005.* Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Стоянка Юдиново — поселение охотников на мамонта мадленского времени // Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Сеницына Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. — СПб.: ИИМК РАН, 2005. — С. 26–41. (Труды ИИМК РАН. Т. XIX).
- Абрамова, Сеницын 2002.* Абрамова З.А., Сеницын А.А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы / Под ред. А.А. Сеницына, В.Я. Сергина, Дж.Ф. Хоффера. — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 167–177.
- Амирханов 1998.* Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. — М.: Научный мир, 1998. — С. 15–34.
- Аникович 1998.* Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. — М.: Научный мир, 1998. — С. 35–66.
- Аникович 2005.* Аникович М.В. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // АЭАЕ. — 2005. — № 3 (23). — С. 70–86.
- Аникович и др. 2008.* Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 304 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1).
- Ахметгалеева 2015.* Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. — Курск: Мечта, 2015. — 254 с.
- Ахметгалеева, Дудин 2017.* Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1а культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Археология Евразийских степей. — 2017. — № 2. — С. 31–54.
- Ахметгалеева и др. 2017.* Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., Федюнин И.В., Петрова Е.А. Предварительные данные об особенностях обработки кости на стоянке Костенки 11, 1а культурный слой // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района. Материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.) — Воронеж: ИД ВГУ, 2017. — С. 108–123.
- Беляева 2002.* Беляева В.И. Кремневая индустрия Пушкарей 1 // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.Н. Рогачева (С.-Петербург, 25–28 ноября 2002 г.). — СПб.: ИИМК РАН, 2002. — С. 132–137.
- Бессуднов 2011.* Бессуднов А.А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего

- и Среднего Дона. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб.: ИИМК РАН, 2011. — 31 с.
- Бессуднов 2013.* Бессуднов А.А. Палеолитические памятники конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). — СПб.: ИИМК РАН, 2013. — С. 127–151.
- Бессуднов 2016а.* Бессуднов А.А. Проблема наличия геологических и культурных отложений поздней поры верхнего палеолита в Костенках // Пути эволюционной географии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). — М.: ИГ РАН, 2016. — С. 626–631.
- Бессуднов 2016в.* Бессуднов А.А. Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Костёнковско-Борщёвский археологический район. Путеводитель. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2016. — С. 21–23.
- Бессуднов и др. 2012.* Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Бурова Н.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007–2011 гг.) // КСИА. — 2012. — № 227. — С. 146–156.
- Борисковский 1953.* Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. — М.; Л.: Наука, 1953. — 464 с. (МИА. № 40).
- Борисковский 1963.* Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. — М.; Л.: Наука, 1963. — 232 с. (МИА. № 121).
- Борисковский 1971.* Борисковский П.И. Палеолитическая стоянка Аносовка 1 в Костенках // Палеолит и неолит СССР. Т. VI. — Л.: Наука, 1971. — С. 182–199. (МИА. № 173).
- Васильев 2008.* Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. — СПб.: ИИМК РАН, 2008. — 179 с.
- Васильев и др. 2007.* Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. — 264 с. (Archaeologica Petropolitana. Т. XX).
- Величко, Рогачев 1969.* Величко А.А., Рогачев А.Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969) / Под ред. И.П. Герасимова. — М.: Наука, 1969. — С. 75–87.
- Верхний палеолит... 2016.* Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. — СПб.: Экстрапринт, 2016. — 384 с.
- Гаврилов 2009.* Гаврилов К.Н. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграфета на Русской равнине // РА. — 2009. — № 4. — С. 66–79.
- Гаврилов 2015.* Гаврилов К.Н. «Жилища» аносовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация // Stratum plus. — 2015. — № 1. — С. 187–203.
- Гаврилов 2016.* Гаврилов К.Н. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариативность в развитии материальной культуры. — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — 132 с.
- Гвоздовер, Григорьев 1975.* Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. О фашиальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II) // КСИА. — 1975. — Вып. 141. — С. 12–17.
- Григорьев 1970.* Григорьев Г.П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука, 1970. — С. 43–63. (МИА. № 166).
- Демиденко и др. 2017.* Демиденко Ю.Э., Шкрлда П., Риос-Гараизар Ж. Эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами на юге Восточной Европы и его европейские перспективы // Археологія і давня історія України. — 2017. — Вип. 3 (24). — С. 38–52.
- Дудин 2018.* Дудин А.Е. Планиграфия третьего комплекса культурного слоя Ia стоянки Костенки 11 // Записки ИИМК РАН. — 2018. — Вып. 17. — С. 45–54.
- Дудин, Толстых 2018.* Дудин А.Е., Толстых Д.С. Планиграфическая характеристика сырьевой базы костяного инвентаря третьего комплекса Ia культурного слоя стоянки Костенки 11 // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (Белгород, 14–16 декабря 2017 г.). — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. — С. 33–41.
- Ефименко 1953.* Ефименко П.П. Первобытное общество. — К.: Изд-во АН УССР, 1953. — 663 с.
- Кетрару и др. 2007.* Кетрару Н.А., Григорьева Г.В., Коваленко С.И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. — Кишинев: Bussiness-Elita, 2007. — 185 с.
- Леонова и др. 2006.* Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А.

- Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). — М.: Научный мир, 2006. — 342 с.
- Леонова, Виноградова 2018. Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Основной культурный слой Каменной Балки II: новые данные по материалам раскопок 2014–2017 гг. // Записки ИИМК РАН. — 2018. — Вып. 17. — С. 117–125.
- Лисицын 1998. Лисицын С.Н. Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок I и некоторые проблемы развития микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины // Восточный гравелт. — М.: Научный мир, 1998. — С. 299–308.
- Лисицын 1999. Лисицын С.Н. Эпиграветт или постгравелт? Особенности кремневого инвентаря позднечувашских памятников с мамонтовым хозяйством // *Stratum plus*. — 1999. — № 1. — С. 83–120.
- Матюхин 1996. Матюхин А.Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — СПб.: ИИМК РАН, 1996. — 42 с.
- Оленковский 2008. Оленковский Н.П. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. — Херсон, 2008. — 432 с.
- Палеолит... 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова и А.Н. Рогачева. — Л.: Наука, 1982. — 285 с.
- Попов 1989. Попов В.В. Развитие позднечувашской культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л.: ЛГУ, 1989. — 23 с.
- Попов 2003–2004. Попов В.В. Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костенки 11 (Аносковка 2) // *Stratum plus*. — 2003–2004. — № 1. — С. 157–186.
- Попов, Пустовалов 2004. Попов В.В., Пустовалов А.Ю. Поселение 2-го культурного слоя стоянки Костенки 11 (Аносковка 2) // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А.С. Синюк. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — С. 3–8.
- Праслов 1972. Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы орудий Мураловской палеолитической стоянки // КСИА. — 1972. — Вып. 131. — С. 70–77.
- Праслов 2001. Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Дона. Проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры. Дисс. ... докт. ист. наук. в форме науч. докл. — СПб., 2001. — 46 с.
- Радиоуглеродная хронология... 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Под ред. А.А. Синицына, Н.Д. Праслова. — СПб.: Академпринт, 1997. — 143 с.
- Родионов 2013a. Родионов А.М. Вопросы генезиса зямтинской культуры в контексте каменных индустрий // Восточноевропейские древности / Отв. ред. А.Н. Ворошилов. — Воронеж: Научная книга, 2013. — С. 216–221. (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. Вып. 3).
- Родионов 2013b. Родионов А.М. Технология получения микропластинок на стоянке Костенки XI (культурный слой 1a) // РА. — 2013. — № 1. — С. 162–165.
- Родионов 2016. Родионов А.М. Каменная индустрия как источник для изучения древних технологий и хозяйственной деятельности населения позднего палеолита (на примере стоянки Костенки 11, Ia культурный слой). Дисс. ... канд. ист. наук. — Воронеж: ВГУ, 2016 — 195 с.
- Родионов, Дудин 2018. Родионов А.М., Дудин А.Е. Планиграфические контексты и трасология крупных камней с площади третьего комплекса Ia культурного слоя стоянки Костенки 11 // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко (Белгород, 14–16 декабря 2017 г.). — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. — С. 17–26.
- Рогачев 1957. Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. Т. 3. Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. — М.; Л.: Наука, 1957. — С. 9–134. (МИА. № 59).
- Рогачев 1961. Рогачев А.Н. Аносковка II — новая многослойная стоянка в Костенках // КСИА. — 1961. — Вып. 82. — С. 86–96.
- Рогачев 1962. Рогачев А.Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. — 1962. — Вып. 92. — С. 12–17.
- Рогачев, Аникович 1984. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР / Отв. ред. П.И. Борисковский. — М.: Наука, 1984. — С. 162–271. (Археология СССР. [Т. 1]).
- Сергин 1974. Сергин В.Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднечувашских поселениях // СА. — 1974. — № 1. — С. 3–11.
- Сергин 2001. Сергин В.Я. Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на

- позднепалеолитические поселения центра Русской равнины // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. — М.: ГЕОС, 2001. — С. 346–355.
- Сергин 2016.* Сергин В.Я. Некоторые детали устройства жилища Костенок 2 // КСИА. — 2016. — Вып. 243. — С. 7–15.
- Синицын 2007.* Синицын А.А. Долотовидные орудия в палеолите Европы: распространение, типология, информативность // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. — Липецк; СПб.: ЛГПУ, 2007. — С. 6–16.
- Синицын 2013.* Синицын А.А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). — СПб.: ИИМК РАН, 2013. — С. 4–32.
- Синицын 2014.* Синицын А.А. К проблеме культурной принадлежности Пушкарей 1 // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. — С. 234–244. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 18).
- Федюнин 2010.* Федюнин И.В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. — Воронеж: ВГПУ, 2010. — 202 с.
- Федюнин 2015.* Федюнин И.В. Дискуссионные вопросы изучения палеолита Южного Подонья // АВ. — 2015. — Вып. 21. — С. 368–373.
- Федюнин 2017.* Федюнин И.В. Каменный инвентарь первого культурного слоя стоянки Костенки 11 в свете новых исследований и некоторые проблемы верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района // АВ. — 2017. — Вып. 23. — С. 19–32.
- Федюнин 2018.* Федюнин И.В. Поздневалдайские индустрии Костенковско-Борщевского района и проблемы изучения финального палеолита лесостепного Подонья // Stratum plus. — 2018. — № 1. — С. 305–324.
- Цыганов 1995.* Цыганов Ю.Ю. Стоянка Борщево 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб.: ИИМК РАН, 1995. — 20 с.
- Чубур 1998.* Чубур А.А. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный граветт. — М.: Научный мир, 1998. — С. 309–329.
- Нужный 2008.* Нужный Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. — К.: КНТ, 2008. — 308 с.
- Нужный 2015.* Нужный Д.Ю. Верхній палеоліт західної і північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація). — К.: Видавець Олег Філюк, 2015. — 478 с.
- Ступак и др. 2014.* Ступак Д.В., Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.М., Комар М.С. Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння // Епіграветські пам'ятки середнього Подніпров'я. — К.: Видавець Олег Філюк, 2014. — С. 9–30. (Археологічний альманах. № 31).
- Demidenko 2018.* Demidenko Yu.E. Magdalenian in Eastern Europe: a myth, reality or just some elements? // International Conference “Magdalenian: chronology — territory — settlements — structures” (Rzeszów, 18–20 Sept. 2018). Book of abstracts. — Rzeszów: University of Rzeszów, 2018. — P. 21.
- Higham 2011.* Higham T.F.G. European Middle and Upper Palaeolithic radiocarbon dates are often older than they look: problems with previous dates and some remedies // Antiquity. — 2011. — Vol. 85. — No 327. — P. 235–249.
- Hoffecker et al. 2017.* Hoffecker J.F., Holliday V.T., Lisitsyn S.N., Platonova N.I. The geochronology of the earliest Upper Paleolithic in Eastern Europe. A Report to the L.S.B. Leakey Foundation. December 2017 // ResearchGate 2019. URL: <https://www.researchgate.net/publication/321977830>.
- Kozlowski 1986.* Kozlowski J. The gravettian in Central and Eastern Europe // Advances in World Archaeology. — 1986. — Vol. 5. — P. 131–200.
- Maier 2015.* Maier A. The Central European Magdalenian: Regional Diversity and Internal Variability. — Dordrecht: Springer, 2015. — 473 p.
- Montoya 2004.* Montoya C. Les traditions techniques lithiques à l'Épigravettien: Analyses de séries du Tardiglaciaire entre Alpes et Méditerranée. Thèse de doctorat de Préhistoire. — Université de Provence — Aix-Marseille I, 2004. — 574 p.
- Reynolds et al. 2017.* Reynolds N., Dinnis R., Bessudnov A.A., Devièse T., Higham T. 2017. The Kostenki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // Antiquity. — 2017. — Vol. 91. — No 360. — P. 1435–1450.
- Reynolds et al. 2019.* Reynolds N., Germonpré M., Bessudnov A.A., Sablin M.V. The Late Gravettian Site of Kostenki 21 Layer III, Russia: a Chronocultural Reassessment Based on a New Interpretation of the Significance of Intra-site Spatial Patterning // Journal of Paleolithic Archaeology. — 2019. — Vol. 2. — No 2. — P. 160–210.
- Sinitsyn 2015.* Sinitsyn A. A. Perspectives on the Palaeolithic of Eurasia: Kostenki and related sites // Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia (HEADS 4). — Vol. 1. — Paris: UNESCO World Heritage Centre, 2015. — P. 163–189. (World Heritage Papers Series. No 41).

REFERENCES

- Abramova, Z.A., Grigor'eva, G.V., Stoianka Yudinovo — poselenie okhotnikov na mamonta madlenskogo vremeni [Yudinovo Site — a Settlement of Mammoth Hunters of the Magdalenian Time], in: Vasil'ev S.A., Abramova Z.A., Grigor'eva G.V., Lisitsyn S.N., Sinitsyna G.V. *Pozdnii paleolit Severnoi Evrazii: paleoekologiya i struktura poselenii (Trudy IIMK RAN, vol. XIX)*, St. Petersburg: IIMK RAN, 2005, pp. 26–41, (in Russian).
- Abramova, Z.A., Sinitsyn, A.A. Iskusstvo v kontekste problemy periodizatsii verkhnego paleolita Kostenok [The Art in the Context of Problem with Upper Palaeolithic Periodization of Kostenki], in: Sinitsyn A.A., Sergin V.Ya., Hoffecker J.F. (eds.), *Osobennosti razvitiia verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy*, St. Petersburg: IIMK RAN, 2002, pp. 167–177, (in Russian).
- Akhmetgaleeva, N.B., *Kamennyi vek Poseim'ia: verkhnepaleoliticheskaya stoianka Byki-7* [Stone Age of Posymnia: the Upper Paleolithic Site of Byki-7], Kursk: Mehta, 2015, 254 p., (in Russian).
- Akhmetgaleeva, N.B., Dudin, A.E., Novye proizvedeniia iskusstva s verkhnepaleoliticheskoi stoianki Kostenki 11, 1a kul'turnyi sloi: tekhnologicheskii analiz i predvaritel'nye trasologicheskie nabludeniia [New Works of Art from the Upper Palaeolithic Site of Kostenki 11, Cultural Layer 1a: Technological Analysis and Preliminary Use-Wear Observations], *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*, 2017, no. 2, pp. 31–54, (in Russian).
- Akhmetgaleeva, N.B., Dudin, A.E., Fediunin, I.V., Petrova, E.A., Predvaritel'nye dannye ob osobennostiakh obrabotki kosti na stoianke Kostenki 11, 1a kul'turnyi sloi [Preliminary Results of Bone Manufacturing Features at the Site of Kostenki 11, Cultural Layer 1a], in: *Estestvennonauchnye metody v izuchenii i sokhranении pamiatnikov Kostenkovsko-Borshchevskogo arkheologicheskogo raiona*, Voronezh: ID VGU, 2017, pp. 108–123, (in Russian).
- Amirkhanov, Kh.A., Vostochnyi gravett ili gravettoidnye industrii Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy? [Eastern Gravettian or Gravettoid Industries of Central and Eastern Europe?], in: *Vostochnyi gravett*, Moscow: Nauchnyi mir, 1998, pp. 15–34, (in Russian).
- Anikovich, M.V., Dnepro-Donskaia istoriko-kul'turnaia oblast' okhotnikov na mamontov: ot «vostochnogo gravetta» k «vostochnomu epigravettu» [Dnepro-Don Historical and Cultural Area of Mammoth Hunters: from the «Eastern Gravettian» to the «Eastern Epigravettian»], in: *Vostochnyi gravett*, Moscow: Nauchnyi mir, 1998, pp. 35–66, (in Russian).
- Anikovich, M.V., O khronologii paleolita Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona [About the Chronology of the Palaeolithic of Kostenki-Borshchevo Area], *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2005, no. 3(23), pp. 70–86, (in Russian).
- Anikovich, M.V., Popov, V.V., Platonova, N.I., *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona v kontekste verkhnego paleolita Evropy* [The Palaeolithic of Kostenki-Borshchevo Area in the Context of the Upper Palaeolithic of Europe], in: *Trudy Kostenkovsko-Borshchevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IIMK RAN, vol. 1*, St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2008, 304 p., (in Russian).
- Beliaeva, V.I., Kremnevaia industriia Pushkarei 1 [Lithic Industry of Pushkari 1], in: *Verkhni paleolit — verkhni pleistotsen: dinamika prirodnykh sobytii i periodizatsiia arkheologicheskikh kul'tur. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.N. Rogacheva*, St. Petersburg: IIMK RAN, 2002, pp. 132–137, (in Russian).
- Bessudnov, A.A., *Pamiatniki pozdnei pory verkhnego paleolita basseina Verkhnego i Srednego Dona* [Sites of the Late Upper Paleolithic from the Basin of the Upper and Middle Don], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, St. Petersburg: IIMK RAN, 2011, 31 p., (in Russian).
- Bessudnov, A.A., Paleoliticheskie pamiatniki kontsa pleistotsena v basseine Verkhnego i Srednego Dona [Palaeolithic Sites of the Terminal Pleistocene of the Upper and Middle Don Basin], in: *Problemy zaseleniia Severo-Zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)*, St. Petersburg: ElekSis, 2013, pp. 127–151, (in Russian).
- Bessudnov, A.A., Problema nalichii geologicheskikh i kul'turnykh otlozhenii pozdnei pory verkhnego paleolita v Kostenkakh [The problem of the presence of Late Upper Palaeolithic geological and cultural deposits at Kostenki], in: *Puti evoliutsionnoi geografii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora A.A. Velichko*, Moscow: IG RAS, 2016, pp. 626–631, (in Russian).
- Bessudnov, A.A., Kostenki 21 (Gmelinskaia stoianka) [Kostenki 21 (Gmelinskaya Site)], in: *Kostenkovsko-Borshchevskii arkheologicheskii raion. Putevoditel'*, Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2016, pp. 21–23, (in Russian).

- Bessudnov, A.N., Bessudnov, A.A., Burova, N.D., Lavrushin, Iu.A., Spiridonova, E.A., Nekotorye rezultaty issledovaniia paleoliticheskikh pamiatnikov u khutora Divnogor'ye na Srednem Donu (2007–2011 gg.) [Some Results of Investigations of Palaeolithic Sites Near Divnogorie Farmstead on the Middle Don (Seasons 2007–2011)], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2012, no. 227, pp. 144–154, (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., *Paleolit Ukrainy. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [The Palaeolithic of Ukraine. Historical and Archaeological Essays] (*Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 40*), Moscow; Leningrad: Nauka, 1953, 464 p., (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., *Ocherki po paleolitu basseina Dona* [Essay on the Palaeolithic of the Don Basin] (*Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 161*), Moscow; Leningrad: Nauka, 1963, 232 p., (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., Paleoliticheskaia stoiianka Anosovka 1 v Kostenkakh [The Palaeolithic site of Anosovka 1 at Kostenki], in: *Paleolit i neolit SSSR, vol. IV (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 173)*, Leningrad: Nauka, 1971, pp. 182–199, (in Russian).
- Chubur, A.A., Rol' mamonta v kul'turnoi adaptatsii verkhnepaleoliticheskogo naseleniia Russkoi ravniny v ostashkovskoe vremia [The Role of the Mammoth in the Cultural Adaptation of Upper Palaeolithic Population of the Russian Plain in the Ostashkov Time], in: *Vostochnyi gravett*, Moscow: Nauchnyi mir, 1998, pp. 309–329, (in Russian).
- Demidenko, Yu.E., Shkrlida, P., Rios-Garaizar, Zh., Epiurin'iak s sagaidaksko-muralovskimi mikrolitami na iuge Vostochnoi Evropy i ego evropeiskie perspektivy [The Epiaurignacian with Sagaidak-Muralovka Microoliths on the South of Eastern Europe and its European Perspectives], in: *Arkheologiia i davnii istoriia Ukraini*, 2017, no. 3 (24), pp. 38–52, (in Russian).
- Demidenko, Yu.E., *Magdalenian in Eastern Europe: a myth, reality or just some elements?*, in: International Conference «Magdalenian: chronology — territory — settlements — structures» (Rzeszów, 18–20 Sept. 2018). Book of abstracts, Rzeszów: University of Rzeszów, 2018, p. 21.
- Dudin, A.E., Planigrafia tret'ego kompleksa kul'turnogo sloia Ia stoiianki Kostenki 11 [Planigraphy of the Third Complex of Cultural Layer Ia of Kostenki 11], *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury*, 2018, vol. 17, pp. 45–54, (in Russian).
- Dudin, A.E., Tolstykh, D.S., Planigraficheskaia kharakteristika syrevoi bazy kostianogo inventaria tret'ego kompleksa Ia kul'turnogo sloia stoiianki Kostenki 11 [Planigraphical Characteristic of Row Material Base for Bone Assemblage of the Third Complex of Cultural Layer Ia of Kostenki 11], in: *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi lesostepi*, Belgorod: ID «Belgorod» NIU BelGU, 2018, pp. 33–41, (in Russian).
- Efimenco, P.P., *Pervobytnoe obshchestvo* [Primitive Society], Kiev: Izd-vo AN USSR, 1953, 663 p., (in Russian).
- Fediunin, I.V., *Paleolit i mezolit Iuzhnogo Podon'ia* [Palaeolithic and Mesolithic of the Southern Don], Voronezh: VGPU, 2010, 202 p., (in Russian).
- Fediunin, I.V., Diskussionnye voprosy izucheniia paleolita Iuzhnogo Podon'ia [Debatable Questions of the Study of the Palaeolithic of the South Don Area], *Arkheologicheskie vesti*, 2015, no. 21, pp. 368–373, (in Russian).
- Fediunin, I.V., Kamennyi inventar' pervogo kul'turnogo sloia stoiianki Kostenki 11 v svete novykh issledovaniia i nekotorye problemy verkhnego paleolita Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona [Stone Artefacts from the First Cultural Layer of the Site of Kostenki-11 in the Light of New Investigations and Some Problems of the Upper Palaeolithic of the Kostenki-Borshchevo Area], *Arkheologicheskie vesti*, 2017, no. 23, pp. 19–32, (in Russian).
- Fediunin, I.V., Pozdnevaldaiskie industrii Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona i problemy izucheniia final'nogo paleolita lesostepnogo Podon'ia [Late Valdai Industries of the Kostenki-Borshchevo Area and the Final Palaeolithic of the Forest-Steppe Part of the Don Basin], *Stratum plus*, 2018, no. 1, pp. 305–324, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., Zhenshchina — zver' — ornament. Kul'turnaia spetsifika v iskusstve epigravetta na Russkoi ravnine [Woman — Animal — Ornament. Cultural Specifics in the Epigravettian Art on the Russian Plain], *Rossiiskaia arkheologiia*, 2009, no. 4, pp. 66–79, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., «Zhilishcha» anosovsko-mezinskogo tipa: proiskhozhdenie i interpretatsiia [«Dwellings» of Anosovka-Mezin Type: Origin and Interpretation], *Stratum plus*, 2015, no. 1, pp. 187–203, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., Verkhonii paleolit basseina Desny [Upper Palaeolithic of the Desna Basin], in: *Preemstvennost' i variabel'nost' v razvitiu material'noi kul'tury*, Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 132 p., (in Russian).
- Grigor'ev, G.P., Verkhonii paleolit [Upper Palaeolithic], in: *Kamennyi vek na territorii SSSR (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 166)*, Moscow: Nauka, 1970, pp. 43–63, (in Russian).

- Gvozdover, M.D., Grigor'ev, G.P., O fatsial'nosti v verkhnem paleolite (po materialam Kamennoi Balki II) [About facies in the Upper Palaeolithic (On the Materials of Kamennaya Balka II)], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1975, no. 141, pp. 12–17, (in Russian).
- Higham, T.F.G., European Middle and Upper Palaeolithic radiocarbon dates are often older than they look: problems with previous dates and some remedies, *Antiquity*, 2011, vol. 85. no 327, pp. 235–249.
- Hoffecker, J.F., Holliday, V.T., Lisitsyn, S.N., Platonova, N.I., (2017), *The geochronology of the earliest Upper Paleolithic in Eastern Europe*. A Report to the L.S.B. Leakey Foundation, (Online), Available from: <https://www.researchgate.net/publication/321977830> (Accessed 15.05.2019).
- Ketraru, N.A., Grigor'eva, G.V., Kovalenko, S.I., *Verkhnepaleoliticheskaia stoianka Rashkov VII* [Upper Palaeolithic Site of Rashkov VII], Kishinev: Bussiness-Elita, 2007, 185 p., (in Russian).
- Khlopachev, G.A. (ed.), *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniia MAE RAN* [The Upper Paleolithic: Images, Symbols, Signs. Catalogue of Art Objects of Small Forms and Nnique Finds of the Upper Paleolithic from the MAE RAS Archaeological Collection], St. Petersburg: Ekstraprint, 2016, 384 p., (in Russian).
- Kozlowski, J., The gravettian in Central and Eastern Europe, *Advances in World Archaeology*, 1986, vol. 5. pp. 131–200.
- Leonova, N.B., Nesmeianov, S.A., Vinogradova, E.A., Voeikova, O.A., Gvozdover, M., Min'kov, E.V., Spiridonova, E.A., Sycheva, S.A., *Paleoekologiia ravninogo paleolita (na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoianok Kamennaia Balka v Severnom Priazov'e)* [Palaeoecology of the flatland Palaeolithic (on the Example of the Complex of Upper Palaeolithic Sites Kamennaya Balka in Nothern Azov Rregion)], Moscow: Nauchnyi mir, 2006, 342 p., (in Russian).
- Leonova, N.B., Vinogradova, E.A., Osnovnoi kul'turnyi sloi Kamennoi Balki II: novye dannye po materialam raskopok 2014–2017 gg. [The Main Cultural Layer of Kamennaya Balka II: New Data from the Excavation Materials 2014–2017], *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury*, 2018, no. 17, pp. 117–125, (in Russian).
- Lisitsyn, S.N., Mikroplastinchaty inventar' verkhnegogo sloia Kostenok I i nekotorye problemy razvitiia mikroorudii v verkhnem paleolite Russkoi ravniny [Microblade Assemblage of the Upper Layer of Kostenki I and Some Problems of Microtools Development in the Upper Palaeolithic of the Russian Plain], in: *Vostochnyi gravett*, Moscow: Nauchnyi mir, 1998, pp. 299–308, (in Russian).
- Lisitsyn, S.N., Epigravett ili postgravett? (Osobennosti kremnevogo inventaria pozdnevaldaiskikh pamiatnikov s mamontovym khoziaistvom) [Epigravettian or Postgravettian? (Features of Flint Inventory of Late Valdai Sites with Mammoth Economy)], *Stratum plus*, 1999, no. 1, pp. 83–120, (in Russian).
- Maier, A., *The Central European Magdalenian: Regional Diversity and Internal Variability*, Dordrecht: Springer, 2015, 473 p.
- Matiukhin, A.E., *Paleoliticheskie masterskie Vostochnoi Evropy* [Palaeolithic Workshop of Eastern Europe], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk, St. Petersburg: IIMK RAN, 1996, 42 p., (in Russian).
- Montoya, C., *Les traditions techniques lithiques à l'Épigravettien: Analyses de séries du Tardiglaciaire entre Alpes et Méditerranée*, Thèse de doctorat de Préhistoire, Université de Provence Aix-Marseille I, 2004, 574 p.
- Nuzhniy, D.Yu., *Rozvitok mikrolitichnoyi tehniki v kam'yonomu vici: udoskonalennyya zbroyi pervisnih mislivciv* [The Development of Microlithic Technology in the Stone Age: the Improvement of the Weapons of Primitive Hunters], Kiev: KNT, 2008, 308 p., (in Ukrainian).
- Nuzhniy, D.Yu., Verkhniy paleolit zakhidnoi ta pivnichnoi Ukraini (tekhniko-tipologichna variabel'nist' ta periodizatsiia) [The Upper Palaeolithic of Western and Northern Ukraine (Technical and Typological Variation and Periodization)], Kiev: Vidavets' Oleg Filiuk, 2015, 478 p., (in Ukrainian).
- Olenkovskii, N.P., Epigravett Vostochnoi Evropy. Kul'turno-istoricheskii aspekt [The Epigravettian of Eastern Europe. Cultural and Historical Aspect], Kherson, 2008, 432 p., (in Russian).
- Popov, V.V., *Razvitie pozdnepleoliticheskoi kul'tury Vostochnoi Evropy po materialam mnogosloinoi stoianki Kostenki 11* [The Development of the Upper Palaeolithic Culture of Eastern Europe on the Base of Materials of Multilayered Site Kostenki 11], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Leningrad: LGU, 1989, 23 p., (in Russian).
- Popov, V.V., Kosti mamonta v konstruktsii zhilishcha anosovsko-mezinskogo tipa na stoianke Kostenki 11 (Anosovka 2) [Mammoth Bones in the Construction of Dwellings of Anosovka-Mezin Type on the Site

- Kostenki 11 (Anosovka 2)], *Stratum plus*, 2003–2004, no. 1, pp. 157–186, (in Russian).
- Popov, V.V., Pustovalov, A.Yu., Poselenie 2-go kul'turnogo sloia stoianki Kostënki 11 (Anosovka 2) [The Settlement of Second Cultural Layer of the Site of Kostenki 11 (Anosovka 2)], in: *Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, Voronezh: VGPU, 2004, pp. 3–8, (in Russian).
- Praslov, N.D., Nekotorye spetsificheskie formy orudii Muralovskoi paleoliticheskoi stoianki [Some Specific Forms of Tools of Muralovka Palaeolithic Site], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1972, no. 131, pp. 70–77, (in Russian).
- Praslov, N.D., *Paleolit basseina Dona (problemy stratigrafii, khronologii i razvitiia kul'tury)* [The Palaeolithic of the River Don (Problems of Stratigraphy, Chronology and Cultural Development)], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk, St. Petersburg: IIMK RAN, 2001, 46 p., (in Russian).
- Praslov, N.D., Rogachev, A.N. (eds.), *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniï* [The Palaeolithic of Kostenki-Borshchevo Area on the River Don. 1879–1979. Some Results of Field Investigations], Leningrad: Nauka, 1982, 285 p., (in Russian).
- Reynolds, N., Dinnis, R., Bessudnov, A.A., Devière, T., Higham, T., The Kostënki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia, *Antiquity*, 2017, vol. 91, no. 360, pp. 1435–1450.
- Reynolds, N., Germonpré, M., Bessudnov, A.A., Sablin, M.V., The Late Gravettian Site of Kostënki 21 Layer III, Russia: a Chronocultural Reassessment Based on a New Interpretation of the Significance of Intra-site Spatial Patterning, *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 160–210.
- Rodionov, A.M., Voprosy genezisa zamiatninskoi kul'tury v kontekste kamennykh industriï [Questions of Genesis of Zamyatnin Culture in the Context of Lithic Industries], in: Voroshilov A.N. (ed.), *Vostochnoevropeiskie drevnosti (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia im. I.N. Kramskogo, vol. 3)*, Voronezh: Nauchnaia kniga, 2013, pp. 216–221, (in Russian)..
- Rodionov, A.M., Tekhnologiia polucheniia mikroplastinok na stoianke Kostenki XI (kul'turnyi sloi Ia) [The Technology of Bladelet Production in the Site Kostenki 11 (cultural Layer Ia)], *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, no. 1, pp. 162–165, (in Russian).
- Rodionov, A.M., *Kamennaia industriia kak istochnik dlia izucheniia drevnikh tekhnologii i khoziaistvennoi deiatel'nosti naseleniia pozdnego paleolita (na primere stoianki Kostenki 11, Ia kul'turnyi sloi)* [Stone Industry as a Source for the Study of Ancient Technologies and Economic Activities of the Late Paleolithic Population (on the Example of Site Kostenki 11, Cultural Layer Ia)], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Voronezh: VGU, 2016, 195 p., (in Russian).
- Rodionov, A.M., Dudin, A.E., Planigraficheskie konteksty i trasologiia krupnykh kamnei s ploshchadi tret'ego kompleksa Ia kul'turnogo sloia stoianki Kostenki 11 [Planigraphical Contexts and Traceology of Large Stones from the Area of the Third Complex of Cultural Layer Ia of the Kostenki 11 Site], in: *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi*, Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2018, pp. 17–26, (in Russian).
- Rogachev, A.N., Mnogosloinye stoianki Kostenkovsko-Borshhevskogo raiona na Donu i problema razvitiia kul'tury v epokhu verkhnego paleolita na Russkoi ravnine [Multilayered Sites of Kostenki-Borshchevo Area on the Don and the Problem of Cultural Development in the Upper Palaeolithic on the Russian Plain], in: *Paleolit i neolit SSSR. vol. 3. Materialy po stratigrafii i otnositel'noi khronologii verkhnego paleolita SSSR (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 59)*, Moscow; Leningrad: Nauka, 1957, pp. 9–134, (in Russian).
- Rogachev, A.N., Anosovka II — novaia mnogoslainaia stoianka v Kostenkah [Anosovka II — a New Multilayered Site in Kostenki], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1961, no. 82, pp. 86–96, (in Russian).
- Rogachev, A.N., Ob anosovsko-mezinskom tipe paleoliticheskikh zhilishch na Russkoi ravnine [About Anosovka-Mezin Type of Palaeolithic Dwellings on the Russian Plain], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1962, no. 92, pp. 12–17, (in Russian).
- Rogachev, A.N., Anikovich, M.V., Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma [The Upper Palaeolithic of the Russian Plain and Crimea], in: Boriskovskii, P.I. (ed.), *Paleolit SSSR (Arkheologiia SSSR, vol. 1)*, Moscow: Nauka, 1984, pp. 162–271, (in Russian).
- Sergin, V.Ya., O khronologicheskoi sootnosheniï zhilishch i prodolzhitel'nosti obitaniia na pozdnepaleoliticheskikh poseleniiakh [On the Chronological Correlation of Dwellings and Duration of Life in Upper Palaeolithic Settlements], *Sovetskaia arkheologiia*, 1974, no. 1, pp. 3–11, (in Russian).
- Sergin, V.Ya., Okhota i sobiratel'stvo kak istochnik postupleniia kostei mamonta na pozdnepaleoliticheskie poseleniia tsentra Russkoi ravniny [Hunting and

- Gathering as a Source of Mammoth Bones in Upper Paleolithic Settlements of the Center of the Russian Plain], in: *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izucheniia*, Moscow: GEOS, 2001, pp. 346–355, (in Russian).
- Sergin, V.Ya., Nekotorye detali ustroistva zhilishcha Kostenok 2 [Some Details in the Construction of the Dwelling of Kostenki 2], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2016, no. 243, pp. 7–15, (in Russian).
- Sinitsyn, A.A., Dolotovidnye orudiia v paleolite Evropy: rasprostranenie, tipologiia, informativnost' [Splintered Pieces in the Palaeolithic of Europe: Distribution, Typology, Information], in: *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik, vol. 3*, Lipetsk; St. Petersburg: LGPU, 2007, pp. 6–16, (in Russian).
- Sinitsyn, A.A., Gravett Kostenok v kontekste gravetta Vostochnoi Evropy [The Gravettian of Kostenki in the Context of the Gravettian of Eastern Europe], in: Sinitsyna G.V. (ed.), *Problemy zaseleniia Severo-Zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)*, St. Petersburg: Eleksis, 2013, pp. 4–32, (in Russian).
- Sinitsyn, A.A., K probleme kul'turnoi prinadlezhnosti Pushkarei 1 [To the Problem of Cultural Attribution of Pushkari 1], in: *Problemy arkheologii epokhi kamnia: k 70-letiiu Valentiny Ivanovny Beliaevoi (Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 18)*, St. Petersburg: SPbGU, 2014, pp. 234–244, (in Russian).
- Sinitsyn, A.A., Perspectives on the Palaeolithic of Eurasia: Kostenki and related sites, *Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia* (HEADS 4). vol. 1, Paris: UNESCO World Heritage Centre, 2015, pp. 163–189.
- Sinitsyn, A.A., Praslov, N.D., (eds.), Radiouglerodnaia khronologiia verkhnego paleolita Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii. Problemy i perspektivy [Radiocarbon Chronology of the Upper Palaeolithic of Eastern Europe and Northern Asia. Problems and Perspectives], St. Petersburg: Akademprint, 1997, 143 p., (in Russian).
- Stupak, D.V., Khlopachev, G.A., Gribchenko, Iu.M., Komar, M.S., Nova verkhnopaleolitichna stoianka Obolonnia [New Upper Palaeolithic Site Obolonna], in: *Epigravettskie pamiatniki Srednego Podneprov'ia (Arkheologichnii al'manakh, no. 31)*, Kiev: Vidavets' Oleg Filiuk, 2014, pp. 9–30, (in Ukrainian).
- Tsyganov, Yu.Yu., *Stoianka Borshchevo 2 i ee mesto v paleolite Vostochnoi Evropy* [Borshchevo 2 settlement and its Place in the Palaeolithic of the Eastern Europe], Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, St. Petersburg: IIMK RAN, 1995, 20 p., (in Russian).
- Vasil'ev, S.A., *Drevneishee proshloe chelovechestva: poisk rossiiskikh uchenykh* [Russian Scholars on Human Prehistory], St. Petersburg: IIMK RAN, 2008, 179 p., (in Russian).
- Vasil'ev, S.A., Bozinski, G., Bredli, B.A., Vishniatskii, L.B., Giria, E.Yu., Gribchenko, Yu.N., Zheltova, M.N., Tikhonov, A.N., *Chetyrekh"iazychnyi (russko-anglo-franko-nemetskii) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita* [Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian/English/French/German] (*Archaeologica Petropolitana, vol. XX*), St. Petersburg: Peterburgskoe vostoovedenie, 2007, 264 p., (in Russian).
- Velichko, A.A., Rogachev, A.N., *Pozdnepaleoliticheskie poseleniia na Srednem Donu* [Upper Palaeolithic Settlements on the Middle Don], in: *Priroda i razvitie pervobytnogo obshchestva na territorii Evropeiskoi chasti SSSR (k VIII Kongressu INQUA, Parizh, 1969)*, Moscow: Nauka, 1969, pp. 75–87, (in Russian).